Дешевая библіотека для семьи и школы.

Ал. Алтаевъ.

ИНДѢЙСКАЯ ЦАРЕВНА.

Разсказъ изъ исторіи завоеванія Мексики въ началѣ XVI вѣка.

Съ рисунками **К. Фридберга.**

PG3467
.I 22
I 6
1915

Цѣна 20 к.

Москва.—1915.

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

THE PENNSYLVANIA ST
UNIVERSITY LIBRARIES

Дешевая библіотека для семьи и школы.

Iamshchikova/

Ал. Алтаевъ.

ИНДѢЙСКАЯ ЦАРЕВНА.

Indieiskaia tsarevna/

Разсказъ изъ исторіи завоеванія Мексики въ началѣ XVI вѣка.

Съ рисунками **К. Фридберга.**

Изданіе редакціи журнала „ЮНАЯ РОССІЯ“.
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.—1915.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.

Индѣйская царевна.

I.

Въ глубокой задумчивости сидѣлъ владѣтель земли ацтековъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ въ столицѣ Мексико-Теноктитланѣ.

Склонившись на мягкія подушки съ вытканнымъ мудренымъ рисункомъ изъ перьевъ, онъ не дотрогивался ни до одного изъ вкусныхъ блюдъ, которыя дымились передъ нимъ на низкомъ столикѣ, и старшіе совѣтники при помощи прекрасныхъ прислужницъ уносили дичь, искусно приправленную рыбу, сласти, приготовленныя изъ маисовой муки, яицъ и алойнаго сахара; нѣжныя вафли, ана-

насы, пьяный напитокъ пульвве и даже любимый его чеколатль *), искусно сбитый въ густую пѣну. Богато вызолоченныя ширмы, по обычаю ацтековъ, скрывали сумрачную фигуру императора отъ взоровъ придворныхъ, присутствовавшихъ на обѣдѣ; высшіе сановники, которымъ позволялось прислуживать государю, въ нѣмомъ страхѣ смотрѣли на мрачное лицо владыки Монтезумы.

Послѣ обѣда Монтезумѣ, какъ всегда, подали трубку изъ богато вызолоченнаго лакированнаго дерева. Онъ жадно сталъ вдыхать дымъ и испаренія отъ травы табакко съ примѣсью жидкой амбры.

Въ это время его всегда забавляли своими кривляніями шуты и скоморохи; бронзовыя красавицы показывали свою грацію въ танцахъ, а музыканты тѣшили слухъ ужасной военной музыкой. Но сегодня едва раздался пискливый голосъ маленькаго урода съ вывороченными пятками, Монтезума сдвинулъ брови и махнулъ рукою. Скоморохъ испуганно заковылялъ прочь изъ залы, а на его мѣсто вошли музыканты и нѣсколько дѣвушекъ, одѣтыхъ въ яркіе костюмы изъ легкой бумажной ткани, съ цвѣтами въ волосахъ. Подъ оглушительную музыку онѣ то изгибали свой станъ, низко склоняясь къ полу, то плавно скользили, сплетаясь руками, то распускали свои легкія воздушныя покрывала, наподобіе крыльевъ гигантской бабочки. Но черныя брови Монтезумы опять сурово сдвинулись.

Онъ вдругъ рѣзко всталъ. Его длинные волосы были украшены большимъ султаномъ изъ перьевъ царскаго зеленаго цвѣта,—отличительный знакъ воиновъ; на ногахъ его были золотыя сандаліи, усыпанныя жемчугомъ и дра-

*) Шоколадъ съ ванилью.

гоцѣнными каменьями. Тильматли—четырехугольный плащъ съ вышитыми концами—ложился живописными складками вокругъ его царственной фигуры.

Монтезума топнулъ ногою и нетерпѣливо крикнулъ:

— Довольно!

У дверей залы въ смиренныхъ позахъ ждали выхода монарха нѣсколько сановниковъ. Согласно строгому этикету, они были босы и поверхъ богатаго платья у нихъ были надѣты некены — плащи изъ самой грубой ткани. Иначе они не могли показываться на глаза государю. Всѣ они пришли съ прошеніями, но Монтезума не принялъ ихъ сегодня и прошелъ изъ главнаго дворца въ свой птичникъ. Императоръ, видимо, тосковалъ и хотѣлъ заглушить чѣмъ-нибудь душевныя страданія. Около трехсотъ слугъ выстроились передъ властелиномъ у входа въ птичникъ: гонецъ успѣлъ предупредить ихъ о приходѣ Монтезумы.

Со всѣхъ концовъ этого низенькаго, но просторнаго зданія неслось оглушительное пѣніе, крики, свистъ, карканье и хлопанье крыльевъ.

Золотистые фазаны распустили свои блестящіе хвосты; яркіе попугаи оглашали воздухъ пронзительнымъ крикомъ; огромные орлы съ царственнымъ взоромъ сидѣли на искусственныхъ скалахъ; прелестные крохотные колибри казались блестящими цвѣтами.

Птицы сидѣли въ просторныхъ клѣткахъ, въ маленькихъ садахъ; возлѣ было расположено отдѣльное большое помѣщеніе для сбора роскошныхъ перьевъ, изъ которыхъ на женской половинѣ дворца умѣли ткать дивные узоры...

Къ императору подлетѣли его любимые ручные фазаны, но онъ досадливо спугнулъ ихъ и пошелъ дальше, сердито крикнувъ слугамъ:

— Клѣтки содержатся скверно! Птицы кажутся больными и мало поютъ!

Изъ птичника Монтезума прошелъ въ звѣринецъ. Онъ осмотрѣлъ своихъ леопардовъ, тигровъ и другихъ хищниковъ; прелестныхъ маленькихъ кроликовъ, ручныхъ газелей; онъ любовался на пресмыкающихся, которыя выползали изъ клѣтокъ, устланныхъ мягкимъ пухомъ, или плескались въ корытахъ, въ вязкомъ тепломъ илѣ. Шипѣнье и побрякиванье кожи маленькой гремучей змѣи,—ужаснаго бича американскихъ степей, — показалось Монтезумѣ зловѣщимъ.

Онъ прошелъ въ «домикъ уродовъ», гдѣ для забавы монарха были собраны со всего государства всевозможные калѣки. Но и здѣсь онъ оставался недолго и прошелъ на женскую половину дворца. У Монтезумы было множество женъ.

На порогѣ его встрѣтили съ смиреннымъ видомъ почтенныя старыя женщины, на обязанности которыхъ было вести хозяйство и имѣть надзоръ за женами и дѣтьми Монтезумы. Императоръ засталъ женщинъ за обычными занятіями: однѣ шили, другія ткали пестрыя ткани, третьи дѣлали изъ разноцвѣтныхъ перьевъ великолѣпные рисунки на разныхъ тканяхъ; самыя молоденькія и веселыя забавлялись съ шутихами, танцовщицами. Монтезума приказалъ имъ заниматься своими дѣлами и прошелъ въ покои любимой дочери, Текуични. Ей не успѣли сказать о приходѣ отца, и Монтезума издали услышалъ ея тихій, мелодичный смѣхъ. Онъ ускорилъ шаги, сдѣлавъ повелительный знакъ сопровождавшимъ его женщинамъ, и незамѣтно появился на порогѣ уютной комнаты, устланной мягкими коврами. Текуична танцовала, и ея гибкая фигура сгиба-

лась, побрякивая въ тактъ золотыми ожерельями. Ея мать первая замѣтила Монтезуму; она съ испугомъ взглянула на дочь, но Монтезума махнулъ рукой и сказалъ:

— Пусть смѣется. Оставь ее. Молодость дана для того, чтобы наслаждаться. Поди сюда, Текуично.

Текуично немного смутилась, но потомъ довѣрчиво подбѣжала къ отцу. Она знала, что онъ любитъ ее больше всѣхъ въ женскомъ дворцѣ.

— Проводи меня, дитя мое, въ садъ,—устало проговорилъ Монтезума.—Здѣсь душно.

Текуично робко вышла за Монтезумой въ садъ. Ея полудѣтское, смуглое личико съ глубокими умными глазами снова оживилось, когда она осталась вдвоемъ съ Монтезумой.

Онъ любилъ Текуично, и въ эту минуту душевнаго смятенія ему хотѣлось повѣдать ей, что̀ лежитъ у него на сердцѣ.

— Сядь здѣсь, Текуично,—сказалъ онъ.

Она опустилась на широкую каменную скамью въ легкомъ павильонѣ, около фонтана, разсыпавшагося серебристой пѣной.

— Послушай, Текуично, хорошо ли тебѣ живется? Нравится ли тебѣ садъ моего дворца, гдѣ ты родилась и выросла?

Она держала въ рукѣ только что сорванную вѣтку померанца, точно обсыпанную бѣлымъ пухомъ цвѣтовъ, и, вдыхая ихъ ароматъ, отъ всей души отвѣтила:

— О, да, да, великій государь!

Вокругъ нея зеленымъ шатромъ раскинулись волшебные сады и рощи. Воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ дивныхъ растеній. Широкіе листья банановъ покачивались

надъ великолѣпными померанцовыми деревьями отягченными плодами; рядомъ съ ними высились тутовыя, грушевыя и персиковыя деревья; маленькія алыя ягоды кофейнаго дерева сверкали, какъ рубины. Въ саду насчитывали десять большихъ искусственныхъ прудовъ, наполненныхъ рыбою; края прудовъ были вымощены мраморными плитами разныхъ цвѣтовъ, а на берегахъ пестрѣли всевозможные цвѣты и лѣкарственныя травы, польза которыхъ была хорошо извѣстна ацтекамъ.

Монтезума задумчиво смотрѣлъ на водяныхъ птицъ, садившихся съ крикомъ на зеркальную поверхность пруда, и вдругъ неожиданно сказалъ:

— А что, Текуично, хорошо ты знаешь исторію бога Кветцалькоатля?

Текуично оживилась и показала два ряда бѣлыхъ зубовъ; глаза ея ярче заблестѣли.

— О, государь!—сказала она, качая головой,—я хорошо знаю про чуднаго Кветцалькоатля. Онъ придетъ, вонъ оттуда!

Она показала рукою за стѣну сада.

Монтезума прошепталъ:

— А что, если онъ уже пришелъ, Текуично?

Женщинамъ не принято было открывать важныхъ политическихъ событій, и Монтезума нахмурилъ брови, когда его маленькая любимица, вся затрепетавъ отъ восторга и любопытства, впилась въ него глазами.

— Онъ пришелъ? Ты видѣлъ его, государь? О, какой онъ, какой?

Она сложила руки съ благоговѣніемъ, точно на молитву. Монтезума всталъ, тяжело дыша. Лицо его выражало страданіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, Текуично,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ, — не спрашивай меня больше ни о чемъ. Это не женское дѣло. Ступай къ себѣ и занимайся работой или играй съ шутихами. Я тебѣ пришлю сегодня подарки... Ступай, ступай. Эти люди въ золотыхъ шапкахъ — они дѣти чуднаго Кветцалькоатля или злые духи... о, кто знаетъ, кто знаетъ! Я такъ страдаю, Текуично. Но ступай. Твоей маленькой головкѣ еще не понять ничего. Иди... Ты получишь сегодня хорошіе подарки.

И Монтезума въ волненіи пошелъ прочь изъ дворцоваго сада. Текуично съ минуту посмотрѣла ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами, а потомъ съ плачемъ побѣжала домой.

— Мнѣ не надо никакихъ подарковъ, не надо, не надо!

Но никому она не передала разговора съ отцомъ, и никто не добился отъ нея объясненій ея загадочныхъ словъ и рыданій.

Монтезума мрачнѣе тучи вернулся къ себѣ во дворецъ. Онъ приказалъ никого къ себѣ не пускать, кромѣ предсказателей. Скоро къ нему безшумно вошли два человѣка съ растрепанными длинными волосами, въ черныхъ одѣяніяхъ, покрытыхъ таинственными знаками. Это были мудрые жрецы, которые знали тайную науку предсказанія человѣческой судьбы. Войдя почтительно, молчаливо, они стали предъ монархомъ съ мрачнымъ, непроницаемымъ видомъ.

Монтезума оставался неподвиженъ, съ низко опущенной головой, погруженный въ глубокія думы. И жрецы стояли молча, не шевелясь, какъ каменныя изваянія. Наконецъ онъ поднялъ голову и увидѣлъ ихъ.

— Вы пришли?—проговорилъ императоръ.

— Ты звалъ насъ, великій государь,—отвѣчалъ одинъ изъ жрецовъ.

— До сихъ поръ въ моемъ царствѣ было благоденствіе. Я расширилъ его предѣлы.

— Ты—великій государь,—отвѣчали хоромъ жрецы.— Всевышній вручилъ наше царство тому, чье присутствіе внушаетъ благоговѣніе каждому приближающемуся...

— Теперь покой нарушенъ, счастья нѣтъ,—мрачно проговорилъ Монтезума, — боги прогнѣвались на насъ. Они предсказываютъ намъ что-то непонятное и ужасное. Вспомните: девять лѣтъ тому назадъ наше озеро безъ всякой причины разлилось по всѣмъ улицамъ и смыло многія зданія.

Жрецы наклонили головы въ знакъ согласія.

— Потомъ, черезъ годъ, — продолжалъ Монтезума, — загорѣлась одна изъ башенъ храма и тоже безъ всякой причины, и никто не могъ затушить ее. Потомъ явились три кометы, а недавно, вы сами помните, что случилось недавно...

— Ты правъ, какъ всегда, великій государь,—подхватилъ старѣйшій изъ жрецовъ.—Я прожилъ почти 9 узловъ *). Скоро я буду старѣйшимъ въ Мексикѣ. И я своими слабыми глазами видѣлъ недавно на востокѣ удивительное сіяніе, которое поднялось наподобіе лучезарной вершины горы, о, великій изъ великихъ! Оно было точно огненный потокъ, усыпанный звѣздами, а въ воздухѣ разливались тихіе жалобные звуки, какъ будто жаловались и плакали тысячи голосовъ. «Это бѣдствіе! Это бѣдствіе!» говорили

*) Узелъ—13 лѣтъ

мы всѣ, и ты самъ обратился къ мудрому своему брату Незагуальпилли и просилъ у него разрѣшенія своихъ сомнѣній. И Незагуальпилли тебѣ сказалъ: «О, великій изъ великихъ, могущественный и любезный мнѣ братъ! Я вижу гибель твоего царства!» —Такова воля боговъ, сильнѣйшихъ царей.

— Но развѣ я не умилостивлялъ ихъ жертвами?—надменно спросилъ Монтезума.

Жрецъ безсильно опустилъ голову, какъ-будто не слыхалъ вопроса монарха.

— А если это—пришествіе дивнаго Кветцалькоатля?—прошепталъ Монтезума.

Старый жрецъ взялъ изъ рукъ своего товарища аматли *) и развернулъ ее дрожащими руками.

— Посмотри,—сказалъ онъ строго.

Передъ Монтезумою замелькали удивительные іероглифы, тщательно разрисованные красками: фигуры змѣи, женщины, человѣка, сидящаго на землѣ, человѣческаго языка и другіе разнообразные рисунки.

— Видишь,—прошамкалъ старикъ,—змѣей мы изображаемъ время. Языкъ — рѣчь человѣческая; человѣкъ, сидящій на землѣ,—землетрясеніе. Гибель, гибель, гибель! Такъ говоритъ намъ наша тайная наука, наука темныхъ чиселъ, несчастной звѣзды и великихъ предзнаменованій. Но читай дальше.

Монтезума смотрѣлъ въ книгу, и бронзовое лицо его принимало выраженіе ужаса.

---

*) Аматли—книга, сдѣланная изъ магуейя (бумажнаго дерева), которую ацтеки складывали вѣерообразно.

— Пришельцы!—закричалъ онъ,—пришельцы! Вотъ гдѣ гибель!

Опустившись на мягкое сидѣнье, онъ слабо простоналъ, закрывъ лицо руками:

— Что хотятъ отъ меня всесильные боги?

— Они разгнѣваны, великій государь.

— Я почитаю ихъ всей душой,—о, скажи, что я долженъ дѣлать! Завтра жертвенникъ грознаго Гуитцилопочли будетъ омытъ и очищенъ. Завтра!

— Мы будемъ готовы, великій государь.

Жрецы, низко наклонивъ головы, неслышно удалились и унесли свои таинственныя письмена.

А Монтезума опустился на мягкое ложе и задумчиво смотрѣлъ въ пространство. Вдругъ онъ засмѣялся.

— Шута! — крикнулъ онъ, и слуги, подслушивавшіе у дверей, затрепетали отъ страха.

Съ веселой улыбкой вкатился уродецъ-шутъ. У него была раздавленная губа, кривой бокъ и большой горбъ. Ходили слухи, что бѣдные родители изуродовали его и еще ребенкомъ продали ко двору Монтезумы. На вырученную плату они заплатили подати, которыми императоръ отягощалъ непомѣрно народъ. Законы ацтековъ были такъ строги, что за невнесеніе подати слѣдовало рабство и даже смерть. Уродливый горбунъ, по прозванью «Жабья Пасть», затаилъ въ своемъ сердцѣ глухую обиду за безсиліе и уродство. Но онъ былъ уменъ и умѣлъ смѣяться, когда приходилось трепетать отъ гнѣва и страха, и Монтезума любилъ его.

— Шуты,—говорилъ онъ,—только шуты могутъ говорить мнѣ правду. Остальные меня слишкомъ боятся. Шуту мы прощаемъ все, что бы онъ ни сказалъ.

— Ты здѣсь, Жабья Пасть! — усмѣхнулся царь. — А ну, скажи мнѣ правду, крѣпко ли любитъ меня мой народъ?

Изъ громадной пасти урода вырвалось хрипѣніе:

— Ты—великій царь, а за непочтеніе къ царямъ наказываютъ смертью.

— Я это знаю, — нетерпѣливо перебилъ Монтезума,— но я хочу знать не то: я спрашивалъ не о почтеніи моего народа, а о любви.

— Женщины тамъ,—горбунъ махнулъ рукою на женскій дворецъ,—тебя любятъ. Ты имъ даешь много подарковъ и хорошо обходишься съ ними.

— А другіе?

— Здѣсь, во дворцѣ, любятъ тебя всѣ знатные. Ты имъ тоже даришь много. Шутка сказать, четыре раза въ день переодѣваешься и каждый разъ даришь имъ свое платье. То же самое дѣлаешь съ посудой.

— Ну, а незнатные?

— Незнатные говорятъ, что ты строгъ, но справедливъ во всемъ, только не въ налогахъ. Говорятъ еще, что раньше цари отличали доблести самихъ людей, а теперь они справляются о доблестяхъ дѣдовъ, а отъ нихъ самихъ требуютъ только глупости.

— И это все?—спросилъ Монтезума.

— Говорятъ, что цари перестали быть отцами народа, дѣлаются только его владыками; что цари разоряютъ страну налогами; что скоро будутъ брать съ насъ за право ходить, говорить или смѣяться... Говорятъ, что прежде ты ходилъ по всѣмъ закоулкамъ переодѣтый и зналъ, какъ живетъ твой народъ, награждалъ и наказывалъ по заслугамъ, а теперь только нѣжишься за своимъ столомъ на

мягкихъ коврахъ да смотришь на бабью пляску... Говорятъ, что царству твоему придетъ скоро конецъ, потому что ты разгнѣвалъ боговъ... Говорятъ, будто ты скоро, чтобы умилостивить грознаго бога Гуитцилопочли, за свои прегрѣшенія заколешь всѣхъ нашихъ женъ и дѣтей и даже не пощадишь свою дочь...

При послѣднихъ словахъ Монтезума топнулъ ногою и гнѣвно закричалъ, разбивъ вдребезги кувшинъ съ душистымъ чоколатлемъ:

— Молчи! молчи! Уходи!

На другой день печальная процессія людей, приносимыхъ въ жертву, потянулась по городскимъ улицамъ къ храму теокалли.

Но ни жертвы, ни мольбы народа передъ идолами теокалли не отвратили отъ мексиканцевъ бѣды. Страшные «бѣлые»—чужеземцы подвигались къ столицѣ.

Гонцы продолжали докладывать Монтезумѣ, что странные люди «съ четырьмя ногами, хвостомъ и двумя руками» продолжаютъ подвигаться къ Теноктитлану. Они говорили, конечно, о всадникахъ, которые составляли какъ бы одно цѣлое съ лошадьми, невиданными въ американскихъ земляхъ, и своимъ видомъ наводили паническій ужасъ на простодушныхъ туземцевъ.

Бѣлые люди уже прошли по безплодной странѣ, покрытой лавою одного изъ высочайшихъ вулкановъ этой мѣстности, и приближались къ сильной сосѣдней республикѣ Тласкалѣ, раскинувшейся въ горахъ хребта Сіерра-Тласкала. А скоро пришла вѣсть о томъ, что Кортесъ заключилъ союзъ съ сильными тласкаланцами.

II.

Ужасъ охватилъ Монтезуму. Онъ отправилъ послѣднее свое посольство съ любимымъ племянникомъ Какамою, чтобы пригласить испанцевъ въ столицу.

Фердинандъ Кортесъ, начальникъ экспедиціи испанцевъ, стремившихся овладѣть новыми землями, продолжалъ свой путь по прекрасной мексиканской долинѣ, цвѣтущей, какъ Божій рай, по берегу озера Талко, по прибрежнымъ великолѣпнымъ рощамъ и огородамъ, мимо тучныхъ нивъ маиса и плантацій магуейя, потомъ спустились на большую плотину или гать изъ извести и камня.

При первыхъ лучахъ солнца испанцы увидѣли сверкающую бѣлизну башенъ и теокалли надъ бирюзовою поверхностью водъ Тецкуко.

Кортесъ направилъ свое войско черезъ зубчатыя ворота каменнаго укрѣпленія, тянувшагося поперекъ плотины. Здѣсь встрѣтило ихъ посольство ацтекскихъ вельможъ. Послы возвѣстили испанцамъ о приближеніи великаго Монтезумы. Они были очень нарядно одѣты и опоясаны махткитлемъ или хлопчато-бумажнымъ поясомъ съ яркой пестрою бахромой и въ великолѣпныхъ плащахъ; шею и руки ихъ украшали запястья и ожерелья изъ бирюзовой мозаики, перемѣшанной съ разными перьями; въ ушахъ, губахъ и ноздряхъ болтались серьги изъ драгоцѣнныхъ камней съ золотыми полумѣсяцами. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Кортесъ продолжалъ путь и перешелъ деревянный мостъ у городскихъ воротъ.

Главная улица, длинная и прямая, какъ стрѣла, тянулась отъ городскихъ воротъ къ самому центру и упира-

лась въ теокалли. Въ началѣ ея Кортесъ замѣтилъ блестящую процессію. Ацтекскіе вельможи босикомъ, въ грубыхъ плащахъ изъ некена, несли на плечахъ золотой паланкинъ, а надъ нимъ качался пеpяной балдахинъ, блестѣвшій отъ драгоцѣнныхъ камней и серебряной бахромы. Паланкинъ остановился, и тотчасъ свита разостлала передъ нимъ длинныя цыновки затѣйливаго рисунка. Куитлагуа, братъ ацтекскаго монарха, и Какама, молодой его племянникъ, тецкукскій государь, быстро подхватили подъ руки стройную фигуру въ широкихъ богатыхъ одеждахъ, выходившую изъ золотыхъ носилокъ. Это былъ Монтезума. Медленно, важно приблизился къ Кортесу императоръ, и испанцы невольно почувствовали къ нему почтеніе. Въ тотъ же моментъ вся толпа ацтековъ упала ницъ передъ монархомъ. Съ печальною улыбкою приблизился Монтезума къ чужестранцамъ и проговорилъ своимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ:

— Я очень радъ, что вижу бѣлыхъ воиновъ въ своей столицѣ.

При этихъ словахъ Кортесъ почувствовалъ невольное волненіе. Онъ протянулъ уже руки, чтобы броситься на шею Монтезумѣ, но остановился, замѣтивъ на лицахъ касиковъ изъ свиты монарха ужасъ и замѣшательство. Кортесъ набросилъ на шею Монтезумѣ ожерелье изъ цвѣтного хрусталя, которое простодушные индѣйцы сочли за вещь необычайной цѣнности.

— Никто не смѣетъ прикасаться къ императору, кромѣ людей его крови, — шепнула Кортесу Марина, индѣйская дѣвушка, рабыня, беззавѣтно преданная испанцамъ.

Монтезума сказалъ что-то своему брату, вошелъ въ паланкинъ, и вельможи унесли его на плечахъ. Куитлагуа

предложилъ испанцамъ слѣдовать за нимъ въ отведенныя имъ квартиры.

Испанцы вступили въ городъ при торжественныхъ звукахъ музыки. Столица поразила ихъ своею архитектурою. Только жилища бѣдняковъ были здѣсь изъ тростника и глины; обширные одноэтажные дома зажиточныхъ гражданъ были выстроены изъ краснаго, ноздреватаго мѣстнаго камня. Азотеи, обнесенныя каменными барьерами, казались чудными садами; у домовъ били фонтаны; безконечно длинными лентами тянулись прямыя улицы; на безчисленныхъ башенкахъ храмовъ горѣли неугасимые огни; улицы были вымощены гладкимъ цементомъ и поражали чистотою, о которой заботилась ацтекская полиція. Толпы народа высыпали всюду навстрѣчу испанцамъ, но провожали бѣшеными взглядами заклятыхъ враговъ своихъ, тласкаланцевъ, которые смотрѣли на ацтековъ исподлобья, какъ дикіе звѣри. Пироги, увитыя цвѣтами, скользили по многочисленнымъ каналамъ. Городъ снабжался водою посредствомъ водопроводной глиняной трубы.

Братъ Монтезумы, Куитлагуа привелъ испанцевъ къ широкой площади въ центрѣ города, около главнаго теокалли. Здѣсь стоялъ рядъ низкихъ каменныхъ зданій стараго дворца, предназначавшагося для квартиръ бѣлыхъ пришельцевъ. Монтезума встрѣтилъ ихъ во дворѣ съ подарками и скоро удалился. На прощаніе онъ сказалъ Кротесу:

— Этотъ дворецъ принадлежитъ вамъ. Отдохните послѣ трудовъ, — это вамъ весьма нужно, а черезъ нѣсколько времени я опять васъ посѣщу.

Кортесъ со своими товарищами вошелъ въ обширный дворецъ. Здѣсь могло помѣститься все его войско. Союз-

ные индѣйцы устроились подъ легкими навѣсами во дворѣ. Во дворцѣ Кортесъ нашелъ красивыя комнаты, обитыя матерчатыми обоями, съ полами, покрытыми цыновками, прекрасные рѣзные столы, стулья и постели изъ пальмовыхъ листьевъ съ одѣялами и балдахинами. Кортесъ разставилъ часовыхъ, запретилъ солдатамъ подъ угрозою смертной казни оставлять безъ разрѣшенія квартиры и позволилъ воинамъ приняться за обѣдъ. За обѣдомъ служили мексиканскіе рабы. Вечеромъ испанцы отпраздновали свое прибытіе въ Мексику залпомъ изъ пушекъ. Клубы сѣраго дыма и грохотъ орудій привели въ трепетъ ацтековъ и показали имъ, какою страшною силою обладаютъ бѣлые чужеземцы...

Прошло четыре дня. Тяжелое чувство испытывалъ всѣ эти дни Монтезума, и его маленькая Текуично не разъ видѣла на глазахъ отца слезы. Дѣвушка чуткимъ любящимъ сердцемъ смутно догадывалась о томъ, что отецъ ея заранѣе оплакиваетъ потерянную независимость. Но она не смѣла высказать ему своихъ мыслей. Поведеніе испанцевъ за эти четыре дня возбуждало въ Монтезумѣ сильное безпокойство. Правда, онъ сдѣлалъ имъ блестящій пріемъ и одѣлилъ ихъ драгоцѣнными подарками; у вѣрнаго казначея вытянулось лицо, когда ему пришлось доставать всѣ эти сокровища изъ царской казны: каждый солдатъ получилъ на свою долю, по крайней мѣрѣ, по два золотыхъ ожерелья. Но Монтезума не могъ забыть о посѣщеніи Кортеса съ товарищами-офицерами его новаго дворца. Въ его ушахъ все еще звенѣлъ серебряный голосъ Марины, который пѣлъ ему про дивную благодать вѣры бѣлыхъ чужеземцевъ. Что хотѣли отъ него эти пришельцы? Чтобы онъ, бывшій жрецъ, верховный владыка

своего народа, отказался отъ вѣры въ своихъ могучихъ грозныхъ боговъ, потушилъ на вершинѣ теокалли таинственные жертвенные огни и зажегъ свѣтильникъ передъ изображеніемъ Дѣвы, которую они называютъ Матерью истиннаго Бога? Они хотятъ, чтобы онъ выпустилъ изъ темницъ плѣнниковъ, которыхъ взялъ въ честномъ бою, обрекая ихъ сердца въ даръ грознымъ богамъ? Никогда, никогда, хотя бы ему пришлось умереть, не сдѣлаетъ онъ такого святотатства. Его покараютъ за это боги, и месть ихъ будетъ ужасна: она погубитъ весь родъ Монтезумы...

На пятый день послѣ своего вступленія въ столицу ацтековъ, Кортесъ выразилъ желаніе посѣтить великій теокалли. Это желаніе привело въ смущеніе Монтезуму. Послѣ долгаго колебанія онъ далъ свое согласіе.

Въ роковой день осмотра испанцами теокалли Текуичпо опять увидѣла на важномъ, гордомъ лицѣ отца крупныя слезы.

Тяжело поднялся онъ съ мѣста, и со вздохомъ, медленной походкой направился къ дверямъ. Ему предстояло встрѣтить испанцевъ въ теокалли, чтобы не дать имъ надругаться надъ святынею.

А въ это время Кортесъ съ нѣсколькими офицерами бродилъ по городу. Они очутились на большомъ рынкѣ. Былъ пятый день недѣли *), и на рыночной площади шелъ оживленный торгъ. Подъ навѣсомъ широкой галлереи, окружавшей рыночную площадь, торговцы продавали бумаж-

---

*) Недѣля у ацтековъ состояла изъ пяти дней; пятый былъ базарный. Въ этотъ день со всѣхъ концовъ государства привозили на столичный рынокъ всевозможные припасы.

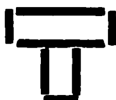
пыя ткани, яркія и пестрыя, и любопытныя игрушки изъ золота и серебра, искусной работы, изображавшія всевозможныхъ животныхъ, и различныя металлическія украшенія, всевозможное оружіе, макагуатли*), зеркала изъ обсидіана; торговали здѣсь и живописцы изъ Тецкуко, и каменотесы, и охотники, и рыболовы, и садовники съ цвѣтами, и торговцы перьями; рядомъ же продавали мясо всѣхъ родовъ, зелень, плоды. Цырюльники сидѣли среди площади на корточкахъ около своихъ шалашей и зазывали проходящихъ, предлагая имъ побрить бороду. Маленькіе, уютные шалаши манили къ себѣ вкуснымъ запахомъ хлѣба изъ кукурузы и тортилли, любимаго кушанья индѣйцевъ. Это было особаго рода печеніе изъ маиса, вареннаго съ известью, изъ котораго дѣлали тонкія лепешки величиною въ ладонь и пекли ихъ на раскаленной глиняной доскѣ. Эти же лепешки служили здѣсь часто и ложками, которыми черпали чудный душистый шоколадъ.

Ацтеки красиво драпировались въ яркіе тильматли, бумажный или сотканный изъ шерсти кроликовъ плащъ и широкій кушакъ съ бахромой, но особенно привлекательны были женщины съ распущенными черными волосами, безъ покрывала. Онѣ носили нѣсколько юбокъ различной длины, украшенныхъ красивыми бахромами, а сверху надѣвали иногда свободное, широкое платье, спускавшееся до лядышекъ.

Испанцы увидѣли возлѣ собакъ, кроликовъ толпы людей въ ошейникахъ. Это были провинившіеся рабы, которыхъ хозяева не хотѣли держать за буйное поведеніе и вывели на рынокъ для продажи. Кто попадалъ на ры-

*) Острые клинки изъ каменной породы обсидіана.

нокъ нѣсколько разъ, того могли уже принести въ жертву богамъ.

Испанцы не мало смѣялись надъ монетой ацтековъ. Это были маленькіе кусочки олова съ отпечатанной на ихъ поверхности фигурою а также зерна какао и стержни пера, наполненные золотымъ пескомъ.

Осмотрѣвъ шумный рынокъ, испанцы двинулись къ великому теокалли, находившемуся по сосѣдству съ ихъ квартирами. Они вошли черезъ зубчатыя ворота «Стѣны Змѣй», названной такъ потому, что на ней были барельефы, изображавшіе змѣй, и стали подниматься къ вершинѣ пирамидальнаго храма. Жрецы предложили поднять Кортеса на плечахъ въ пятый этажъ, къ жертвенникамъ, но онъ отказался. Достигнувъ вершины, испанцы увидѣли на одномъ концѣ площадки, вымощенной широкими плоскими плитами, большой яшмовой камень, на выпуклой поверхности котораго жрецы совершали свою ужасную обязанность,—выниманіе сердца. На другомъ концѣ площадки возвышались трехъэтажныя башенки, гдѣ стояли идолы, и хранился прахъ нѣкоторыхъ индѣйскихъ принцевъ, а также огромный барабанъ изъ змѣиныхъ кожъ.

Монтезума подвелъ Кортеса къ краю теокалли и показалъ ему рукою на городъ.

— Смотри,—сказалъ онъ гордо,— хорошо?

И Кортесу въ его словахъ слышалось:

«И все это мое».

Дивный видъ открывался съ площади теокалли, который былъ выше всѣхъ зданій въ Теноктитланѣ: по каналамъ, прорѣзывающимъ во всѣхъ направленіяхъ городъ, быстро скользили лодки; на улицахъ кишѣли толпы на-

рода въ яркихъ цвѣтныхъ одеждахъ. Во всѣ стороны голубѣло Тецкукское озеро, а тамъ, вдали, сверкали серебромъ прѣсныя свѣтлыя воды озера Чалко.

III.

Восемь дней уже жили испанцы въ Теноктитланѣ. Въ одинъ ясный безоблачный день шесть испанскихъ офицеровъ, закованные съ ногъ до головы въ желѣзо, входили во дворецъ Монтезумы: Сандоваль, Альварадо, Веласкезъ де-Леонъ, Франциско де-Лухо, Алонцо де-Авила, Кортесъ, а съ нимъ и его неизмѣнная спутница и переводчица Марина. Невольники распахнули передъ испанцами двери, и они вошли въ покои мексиканскаго монарха. Монтезума сидѣлъ на своемъ великолѣпномъ тронѣ съ привѣтливой улыбкой и отвѣчалъ ласково на почтительные поклоны бѣлыхъ гостей. При всемъ своемъ страхѣ къ этимъ людямъ, онъ не могъ противиться чувству невольнаго удивленія, которое возбуждали они въ немъ, и сознавалъ, что они невольно подчиняютъ его себѣ своей мужественной силой.

Онъ вспомнилъ, какою силою и властью обладали эти пришельцы. Всего нѣсколько дней пробыли они въ столицѣ ацтековъ, но уже успѣли заслужить славу страшныхъ повелителей.

Дерзко вошли они на вершину теокалли къ великому богу Гуитцилопочли, богу войны, съ ужаснымъ лицомъ, золотыми стрѣлами и лукомъ въ рукахъ, покрытыхъ

драгоцѣнными камнями. Безъ трепета смотрѣли они на громадную змѣю, обвивавшую поясницу идола и на ожерелье изъ золотыхъ и серебряныхъ сердецъ на его шеѣ.

И вмѣсто этого бога они осмѣлились предложить ему, ацтекскому монарху, поставить крестъ... И Гуитцилопочли не разразилъ дерзкихъ...

Монтезума сдѣлалъ знакъ казначею Тапіа, и тотъ принесъ ему ящикъ, наполненный золотыми украшеніями и драгоцѣнными камнями.

— Вотъ,—сказалъ монархъ Кортесу,—я дарю это все тебѣ и твоимъ воинамъ, чтобы еще разъ доказать тебѣ свою дружбу. Но подожди, — расчувствовался Монтезума, — готовъ отдать тебѣ въ жены мою любимую дочь, Текуично...

Тутъ голосъ его дрогнулъ; онъ вспомнилъ, какъ часъ тому назадъ сказалъ объ этомъ Текуично, и какъ ея лицо вспыхнуло отъ негодованія.

— Благодарю тебя за честь, великій Монтезума,—отвѣчалъ Кортесъ, — я глубоко тронутъ ею, но принужденъ отказаться. У меня есть жена въ той странѣ, откуда я пріѣхалъ, а наша вѣра не дозволяетъ имѣть много женъ.

Лицо Монтезумы просвѣтлѣло, и на душѣ его стало легче.

И онъ сразу оживился, и сталъ шутить съ испанцами, высказывая веселыя замѣчанія по поводу ихъ латъ, вооруженія, лошадей и смѣшныхъ, по его мнѣнію, обычаевъ. Во время этого разговора Кортесъ поглядывалъ на дверь, за которою мало-по-малу стали появляться его воины въ полномъ вооруженіи. Ихъ было двадцать пять человѣкъ. Вдругъ лицо генерала сдѣлалось суровымъ; брови его

нахмурились, и онъ сказалъ Монтезумѣ уже другимъ тономъ:

— Бросимъ шутки, — дѣло слишкомъ серіозно. Я пришелъ сюда, чтобы спросить у монарха ацтековъ отчета въ его поступкахъ съ моими братьями. Знаетъ ли онъ, что дѣлается въ Вера-Круцѣ? Одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей, губернаторъ колоніи, убитъ въ схваткѣ съ вой-

сками твоего касика Каунопоки. Это сдѣлано, конечно, по твоему порученію. Измѣнническая западня!

При этихъ словахъ выраженіе глубокаго ужаса и страданія изобразилось на лицѣ Монтезумы, но, овладѣвъ собою, съ притворнымъ изумленіемъ онъ отвѣчалъ:

— Малинчинъ *), ты несправедливъ. Я не принималъ

*) Такъ называли Кортеса ацтеки, производя это имя отъ имени спутницы Кортеса—Марины,—т. е. „господинъ Марины“.

участія въ этомъ заговорѣ. Кто-нибудь изъ моихъ враговъ оклеветалъ меня.

— Я вѣрю великому Монтезумѣ, — отвѣчалъ, въ свою очередь, Кортесъ, — но для лучшаго доказательства онъ долженъ послать за ослушникомъ и его соучастниками и наказать ихъ съ примѣрною строгостью.

Монтезума молча снялъ съ руки свой перстень съ печатью, изображавшею бога войны, отдалъ одному изъ своихъ приближенныхъ и велѣлъ послать за Каунопокою.

— Теперь я вполнѣ вѣрю тебѣ, —проговорилъ Кортесъ, когда посланный удалился, — но надо, чтобы и мой государь убѣдился въ этомъ. Лучше всего, если ты переѣдешь во дворецъ, гдѣ живемъ мы, и будешь нашимъ гостемъ, пока не пріѣдетъ дерзкій кацикъ. Это докажетъ твое дружеское расположеніе къ намъ.

Лицо Монтезумы покрылось смертельной блѣдностью, но тотчасъ же вся кровь хлынула къ его щекамъ. Дрожа отъ негодованія, онъ крикнулъ:

— Слыхано ли, чтобы великій монархъ, подобный мнѣ, добровольно покинулъ свой собственный дворецъ и отдался въ плѣнъ чужеземцамъ?

Кортесъ старался увѣрить ацтекскаго монарха, что все останется для него попрежнему, измѣнится только мѣсто, гдѣ онъ будетъ жить, но Монтезума твердилъ, качая головою:

— Нѣтъ, нѣтъ, если бы я могъ рѣшиться на такое униженіе, то мои подданные никогда на это не согласятся! Возьми нѣсколькихъ моихъ сыновей и дочь заложниками.

Долго тянулись пререканія между испанцами и Монтезумой безъ всякихъ результатовъ. Нетерпѣливый крикъ Веласкеза де Леона заставилъ всѣхъ вздрогнуть:

— Что тратить слова на этого варвара! Схватимъ его, и если онъ станетъ сопротивляться, вонзимъ ему наши мечи въ сердце!

— Скажи мнѣ, — съ ужасомъ спросилъ Монтезума Марину,—что говоритъ этотъ сердитый человѣкъ? Его лицо грозно, какъ и всѣ движенія! Чѣмъ грозитъ онъ мнѣ?

Марина чувствовала жалость къ ацтекскому монарху и, смотря на него съ мольбою, заговорила:

— Ради своего благополучія, не противься бѣлымъ воинамъ! Сопровождай ихъ на ихъ квартиры; съ тобою будутъ тамъ обращаться почтительно, какъ подобаетъ твоему сану. Но горе, если ты останешься,—тебя ожидаетъ насиліе, а можетъ быть, и смерть!

Монтезума безнадежно оглянулся вокругъ и понялъ, что выхода нѣтъ. Онъ закрылъ лицо руками и тихо произнесъ:

— Идемте... я долженъ согласиться...

Монтезума не пытался позвать своихъ тѣлохранителей. Эти бѣлые люди, грозные и неумолимые, казались ему посланниками боговъ, и волѣ ихъ онъ долженъ былъ безпрекословно подчиниться.

Черезъ нѣсколько минутъ странная процессія направилась по улицамъ Теноктитлана. Съ поникшими головами несли ацтекскіе вельможи раззолоченный паланкинъ своего монарха. Они угадывали правду, но не смѣли противиться волѣ Монтезумы: онъ самъ повторилъ, что отправляется въ гости къ своимъ друзьямъ—испанцамъ. Онъ самъ просилъ народъ разойтись, когда громадныя толпы стали собираться съ ропотомъ, что императора уводятъ изъ дворца силою.

Гонецъ изъ свиты Монтезумы объявилъ женщинамъ царское повелѣніе: перейти въ новое жилище государя.

Тутъ плачъ сталъ еще сильнѣе. Весь гаремъ прощался съ жизнью, готовясь умереть вмѣстѣ со своимъ владыкою.

Текуично застала отца въ роскошныхъ покояхъ, богато убранныхъ цвѣтными матеріями, среди многочисленной свиты.

Испанцы, входя къ нему, почтительно снимали свои блестящіе шлемы и не смѣли сѣсть, пока Монтезума самъ не просилъ ихъ садиться.

Казалось, ничто не измѣнилось, но зоркіе глаза ацтекской принцессы сразу замѣтили, что здѣсь всюду, на каждомъ шагу, отца ея стережетъ испанская стража.

Никто изъ ацтековъ, окружавшихъ Монтезуму, не смѣлъ выходить изъ дворца безъ разрѣшенія бѣлыхъ людей. Особенно тоскливо было Текуично ночью, когда до испанскихъ квартиръ долетали унылые, хриплые крики жрецовъ, провозглашавшихъ съ башенокъ теокалли часы ночи.

Дочь Монтезумы была назначена съ ранняго дѣтства въ жены своему двоюродному брату Гватимозину. Онъ былъ молодъ, красивъ, силенъ, храбръ и чувствовалъ къ испанцамъ смертельную ненависть такъ же, какъ и Текуично. И теперь Текуично, проводя ночи напролетъ безъ сна на азотеѣ *), съ трепетомъ ждала, что Гватимозинъ придетъ освободить ее и ея отца и подниметъ весь народъ къ возстанію. Вѣдь никто въ Теноктитланѣ не зналъ ничего навѣрное объ участи своего монарха. Монтезума самъ объявилъ, что отправляется въ гости къ испанцамъ. Но стоило только сказать правду, и народъ разнесъ бы по камнямъ тюрьму императора. И Текуично съ тоскою призывала:

*) Азотея—крыша дома въ Мексикѣ.

— О, Гватимозинъ, милый женихъ мой, приди отмстить за насъ проклятымъ гачупенесамъ! *)

Текуични не нравилась печальная кроткая дѣвушка, ходившая по пятамъ Кортеса. Марина проводила долгіе часы въ часовнѣ за молитвою и часто со слезами бесѣдовала съ жрецомъ бѣлыхъ. Она была раньше мексиканкой, дочерью кацика, но теперь стала рабой гачупенесовъ. Текуични была язычницей; она любила свою кровавую вѣру, гордилась тѣмъ, что у нея темная кожа и мужественное сердце настоящей дочери ацтека, и лучше согласилась бы умереть, чѣмъ принять вѣру гачупенесовъ.

А Марина всею душою рвалась къ дочери Монтезумы. Она понимала ея тоску, ея возмущенную гордость, и не разъ подходила къ ней со словами участья. Но Текуични отворачивалась, не говоря ни слова.

Каждую ночь Текуични ждала освобожденія, сидя на азотеѣ, но оно не приходило. Ночью городъ точно вымиралъ. Некому было крикнуть страшную вѣсть о плѣнѣ отца. Тамъ, внизу, ходили только испанскіе часовые...

Скоро въ столицу прибылъ Каунопока съ сыномъ и пятнадцатью ацтекскими князьями. Надъ ними былъ совершенъ короткій судъ, какъ будто отъ лица Монтезумы. На самомъ дѣлѣ, судомъ руководилъ Кортесъ. Доказательства были несложныя, и Каунопокѣ вынесли кусокъ бумажной ткани, на которой былъ изображенъ его портретъ, а поперекъ портрета тянулась стрѣла. Каунопока понялъ, что часы его сочтены. Такіе же смертные приговоры получили и его соучастники.

Текуични со слезами смотрѣла съ азотеи на зарево отъ

*) Презрительное названіе бѣлыхъ.

костра. Ей было жалко Каунопоку. Въ это время прибѣжала къ ней ея старая кормилица и закричала, ломая руки:

— Текуично, Текуично, несчастное дитя! Пойди, посмотри на твоего отца, царственнаго великаго Монтезуму! Онъ въ оковахъ! Каунопока сознался, что государь приказалъ ему итти на бѣлыхъ, и проклятые гачупенесы заковали его въ цѣпи!

Эта вѣсть сразила Текуично. Она опустилась на полъ и закрыла лицо руками...

Когда казнь была назначена, Кортесъ вошелъ къ Монтезумѣ.

Онъ засталъ его сидящимъ съ низко опущенной головой и лицомъ, орошеннымъ слезами. Приближенные старались поддерживать оковы, чтобы они не рѣзали тѣло царя.

Кортесъ сталъ на колѣни передъ ацтекскимъ монархомъ и снялъ съ него оковы.

— Мнѣ тяжело,—сказалъ завоеватель,—подвергать великаго Монтезуму такому наказанію. Но это было необходимо. Теперь, когда казнь надъ касиками совершена, я съ радостью снимаю съ тебя желѣзо.

И побѣжденный, уничиженный монархъ, еще недавно гроза индѣйскихъ народовъ, теперь, плача, какъ ребенокъ, безсильно шепталъ:

— О, бѣлый вождь, другъ мой, благодарю, благодарю за свободу.

У дверей раздался раздирающій душу крикъ.

Кортесъ обернулся. Текуично бѣжала къ отцу, въ первый разъ рѣшившись явиться къ нему безъ зова.

Она бросилась къ его ногамъ, осыпала ихъ поцѣлуями и, захлебываясь отъ слезъ, бормотала:

— О, отецъ... какъ тебя унизили... что сдѣлали съ тобой... что сдѣлали!

Онъ обнялъ дѣвушку и, съ нѣжностью гладя ея шелковистые черные волосы, молча плакалъ...

Суровое сердце испанскаго воина содрогнулось при видѣ этой сцены, и онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Кортесъ на другой день предложилъ Монтезумѣ вернуться въ свой дворецъ. Но Монтезума отказался. Силы оставили его. Какъ могъ онъ вернуться во дворецъ послѣ такого посрамленія? Его враги непремѣнно воспользовались бы этимъ и подняли бы на него недовольный народъ.

Лишивъ Монтезуму свободы, Кортесъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы съ нимъ всѣ были почтительны. За малѣйшую грубость по отношенію къ царственному плѣннику онъ былъ готовъ казнить своихъ солдатъ смертью. По-своему, онъ даже какъ будто любилъ плѣннаго монарха. Впрочемъ, не было ни одного испанца, который бы не любилъ печальнаго, кроткаго и несчастнаго Монтезуму.

Несчастіе уничтожило прежнюю надменность Монтезумы. Онъ щедро награждалъ за каждую оказанную ему услугу, былъ благодаренъ за каждое ласковое, участливое слово и плакалъ, если кто-нибудь бывалъ съ нимъ грубъ. Онъ удвоилъ жалованье испанской прислугѣ и подарилъ своимъ бѣлымъ друзьямъ всѣ сокровища, находящіяся за завѣтной дверью около часовни.

Цѣлые дни проводилъ Монтезума въ обществѣ, къ которому привыкъ, занимаясь дѣлами, какъ и въ дни свободы. Кортесъ обставилъ его жизнь съ обычной пышностью. Ацтекскій монархъ зналъ каждаго испанца по имени и называлъ ихъ не иначе, какъ по чину.

Чтобы скрасить свое заточеніе, Монтезума часто просилъ испанцевъ поиграть съ нимъ въ какую-нибудь народную игру. Особенно любилъ онъ играть въ «тотологи». Играющіе бросали золотые мячи въ золотой щитъ. Щедрый, какъ всегда, Монтезума не жалѣлъ о проигрышѣ, а выигрышъ отдавалъ слугамъ.

— Не хочетъ ли великій Монтезума принять новое ученіе?—задавали вопросъ Монтезумѣ священники.

Монтезума качалъ головою и кротко, но твердо отвѣчалъ:

— Богъ христіанъ великъ, но я хочу попрежнему молиться богамъ своихъ предковъ.

Много дней и ночей провела въ тоскѣ и слезахъ бѣдная Текуично. Но ея душа почему-то все еще вѣрила въ спасеніе. И вотъ разъ, когда она проходила отъ отца въ свои покои, ее кто-то окликнулъ. Она живо обернулась и увидѣла своего двоюроднаго брата Какаму, молодого тецкукскаго вельможу.

— Текуично,—сказалъ Какама,—мнѣ надо съ тобой поговорить. Ты ненавидишь бѣлыхъ, какъ и я. Еще есть возможность спасти отца. Я не могъ ни слова сказать ему; всюду слѣдятъ за нами глаза бѣлыхъ ищеекъ. Но ты видишься съ нимъ наединѣ. Постарайся добраться до его сердца; постарайся разбудить въ немъ упавшій духъ. Скажи ему, что онъ долженъ вступиться за поруганную честь и славу боговъ. Скажи ему, Текуично, что надо отомстить бѣлымъ собакамъ.

Какама оглянулся во всѣ стороны и прошепталъ:

— Все готово для его освобожденія; народъ возстанетъ. Братъ великаго монарха Монтезумы, а твой дядя—Куитлагуа съ нами. Мы подговорили многихъ касиковъ; они

поднимутъ народъ, какъ только государь на это согласится. Останешься ли ты до конца твердой, Текуично?

Она радостно закивала головой.

— А Гватимозинъ?—спросила тихо принцесса.

— Гватимозинъ скоро придетъ и увезетъ тебя съ собою.

Глаза Текуично горѣли, какъ звѣзды. Она радостно вскрикнула, кивнула еще разъ головою и скрылась въ своихъ покояхъ. На другой день Текуично пошла къ отцу Оставшись съ императоромъ наединѣ, она бросилась къ нему, обвила его ноги руками и порывисто зашептала:

— Отецъ... все готово къ возстанію... Какама набралъ касиковъ... Они идутъ къ тебѣ на помощь!.. Ты будешь свободенъ, отецъ! Они тебя спасутъ! Слушай, что велѣлъ онъ передать тебѣ: лишь только ты согласишься, весь дворецъ будетъ окруженъ несмѣтною толпою...

Монтезума покачалъ головою.

— Нѣтъ, Текуично,—сказалъ онъ грустно,—они сильнѣе моихъ воиновъ. Дѣти солнца, они пришли править своей землей, землей бога Кветцалькоатля. Отъ нихъ, какъ по волшебству, отскакиваютъ наши дротики и стрѣлы, а ихъ орудія мечутъ молніи и потрясаютъ землю громомъ.

Текуично отчаянно заломила тонкія руки и прошептала:

— О, проклятыя собаки! Но, отецъ, Какама говоритъ, что можно напасть ночью, когда половина изъ нихъ спитъ. Имъ не справиться съ несмѣтнымъ числомъ нашихъ воиновъ... Боги тебя не простятъ, если ты...

— Они оставили меня, Текуично.

— Потому что ты оставилъ ихъ. Смотри, я—женщина, но я плюну въ глаза подлымъ собакамъ гачупенесамъ; я дамъ выпустить изъ себя кровь по каплѣ, но не отступлюсь отъ вѣры отцовъ.

Монтезума приподнялся.

— Уйди, Текуично, уйди вонъ... Скажи Какамѣ, чтобы не вмѣшивался не въ свои дѣла...—прошепталъ онъ глухо и хлопнулъ въ ладоши.

На порогѣ сразу выросло нѣсколько невольниковъ, и изъ-за дверей показался пажъ Ортегилла. Текуично поднялась съ цыновки и, держась за стѣну, невѣрными шагами пошла къ двери. Въ ушахъ пронырливаго пажа еще звучала послѣдняя фраза Монтезумы:

«Скажи Какамѣ, чтобы не вмѣшивался не въ свои дѣла».

Въ тотъ же день эти слова сдѣлались извѣстны Кортесу. Монтезума до того унизился, что самъ помогалъ Кортесу въ этомъ дѣлѣ. Тецкукскіе измѣнники, подкупленные имъ, предательски напали на Какаму и, связавъ, привезли въ Теноктитланъ. Съ гордою и смѣлою осанкою явился связанный тецкукскій государь передъ дядей, и надменно сказалъ:

— Я хотѣлъ придти въ этотъ городъ только за тѣмъ, чтобы освободить тебя вмѣстѣ съ богами изъ неволи. За это ты велѣлъ связать меня. Но и въ оковахъ я остаюсь свободнымъ, ты же—рабомъ гачупенесовъ.

Какама вмѣстѣ съ касиками, принимавшими участье въ заговорѣ, былъ отведенъ въ темницу, и Монтезума объявилъ, что лишаетъ его власти.

IV.

Марина, закутанная съ ногъ до головы въ плащъ, кралась по направленію къ покоямъ, отведеннымъ испанцами для государственныхъ преступниковъ. Съ нею была другая дѣвушка.

И солдаты тотчасъ же распахнули передъ дѣвушками двери: они любили Марину, которая каждому сумѣла оказать какую нибудь услугу во время тяжелыхъ походовъ. Въ полутемномъ покоѣ, озаренномъ мрачнымъ свѣтомъ смоляныхъ факеловъ, Марина остановилась.

Ея спутница откинула роскошный тильматли, съ легкимъ крикомъ подалась впередъ и протянула руки къ мужчинѣ съ длинными, всклоченными волосами и угрюмымъ, мрачнымъ лицомъ. Наклонившись, она гладила его ноги въ оковахъ; вздыхала, а изъ глазъ ея неудержимо лились слезы. Суровое лицо заключеннаго смягчилось выраженіемъ благодарности, и онъ тихо спросилъ дѣвушку:

— Такъ еще есть доступъ въ мою могилу, Текуично?

— Есть, есть!—воскликнула дѣвушка,—и я все сдѣлаю, чтобы освободить тебя. Смотри, вотъ она,—Текуично кивнула головой въ сторону Марины,—она провела меня сюда, великій Куитлагуа!

Куитлагуа съ презрѣніемъ отвернулся.

— Гдѣ мой сынъ Гватимозинъ? Или и его держатъ тоже въ цѣпяхъ? Свободный, могучій, сильный, какъ орелъ, развѣ онъ можетъ жить въ этой могилѣ?

— Нѣтъ,—сказала Текуично горячо. – Гватимозинъ — солнечный лучъ; Гватимозина трудно удержать, великій Куитлагуа! Онъ свободенъ!

Да, испанцы, раскрывъ заговоръ народнаго возстанія и лишивъ свободы отца, не могли найти сына.

Лицо Куитлагуа немного прояснилось.

— Гватимозинъ—настоящій ацтекъ и сумѣетъ поднять народъ. А твой отецъ отдался испанцамъ, какъ трусъ.

Текуично вспыхнула и высоко подняла голову.

— Нѣтъ!—крикнула она,—мой отецъ—не трусъ, онъ ненавидитъ испанцевъ, и сюда...

Она замолчала, посмотрѣвъ на Марину.

— Пора,—сказала Марина, которая видѣла, что разговоръ принимаетъ нежелательный характеръ.

Текуично со вздохомъ поднялась.

— Ты будешь свободенъ,—шепнула она ему.

Потомъ двери раскрылись, пропуская двухъ женщинъ, и снова закрылись за ними, и царскій братъ оказался въ полутьмѣ.

Выйдя изъ тюрьмы, Текуично сказала Маринѣ, не глядя на нее:

— Благодарю тебя. Я думала о тебѣ прежде гораздо хуже.

Марина усмѣхнулась:

— Мнѣ всегда было тебя жаль, Текуично. Напрасно ты отворачивалась отъ меня...

Скоро Текуично почувствовала глубокую радость: ей стало извѣстно о томъ, что снова готовится народное возстаніе.

Во время короткаго отсутствія Кортеса, отправившагося усмирять возставшихъ въ сосѣдней уже покоренной Семпоаллѣ, въ праздникъ «Воскуренія Гуитцилопочли» испанцы напали на молившихся язычниковъ, перебили ихъ въ храмѣ и ограбили тѣла.

Это вызвало въ измученномъ народѣ взрывъ негодованія.

На другой день послѣ этого событія, на разсвѣтѣ, крѣпость испанцевъ была окружена ацтеками. Одни уже успѣли проникнуть черезъ стѣны, другіе мѣстами подкопали и сожгли укрѣпленія. Вдругъ на стѣнахъ появилась величественная фигура Монтезумы. Онъ обратился съ рѣчью къ своему народу дрожащимъ, полнымъ тоски голосомъ. Онъ умолялъ прекратить нападеніе, чтобы пощадить его собственную особу.

Изъ уваженія къ волѣ Монтезумы, ацтеки покинули укрѣпленіе. Испанцы теперь были ранены почти всѣ.

Тяжелое положеніе войска сломило, казалось, даже желѣзныя силы Кортеса. Онъ сталъ раздражителенъ и придирчивъ, холодно встрѣтилъ въ день пріѣзда Монтезуму, а потомъ отказался даже явиться на зовъ ацтекскаго монарха.

Монтезума неотступно просилъ Кортеса освободить брата, который теперь одинъ могъ сдержать народъ. Одного слова Куитлагуа было достаточно для усмиренія бунтующихъ. Послѣ долгаго руздумья Кортесъ согласился на просьбу Монтезумы, и съ Куитлагуа сняли оковы.

Когда онъ вышелъ свободный изъ стараго дворца, испанцы проводили его взглядами, полными надежды.

Народъ избралъ Куитлагуа на престолъ вмѣсто Монтезумы на время его плѣна. Куитлагуа принялъ предложеніе и сталъ готовиться къ грозной мести.

Скоро несмѣтныя полчища ацтековъ покрыли стѣны, террасы, азотеи.

Монтезума слышалъ яростные крики изъ своего убѣжища, зналъ, что народъ требуетъ его освобожденія, и

изнемогалъ отъ безсилія и того страннаго чувства суевѣрнаго страха, которое онъ не переставалъ въ глубинѣ питать къ испанцамъ.

Ацтеки сожгли деревянные корпуса испанскихъ квартиръ: у испанцевъ не было воды, чтобы тушить пожаръ, а земля, которой они думали засыпать пламя, не оказывала никакого дѣйствія. Пришлось разрушить горѣвшія постройки и затѣмъ открыть значительную брешь.

Тутъ и тамъ кривлялись растрепанныя, иступленныя фигуры жрецовъ въ черныхъ окровавленныхъ одеждахъ; а выше всего гордо развѣвалось древнее знамя Мексики съ изображеніемъ орла, вышитаго на богатой матеріи.

Когда испанцы удалились въ свою крѣпость, ацтеки расположились лагеремъ вокругъ нея въ ожиданіи разсвѣта, чтобы начать сраженіе. По временамъ свирѣпые крики жрецовъ нарушали безмолвіе ночи:

— О, великій монархъ нашъ! Мы мстимъ проклятымъ гачупенесамъ за твою неволю! Эй, вы, собаки, отдайте намъ нашего государя!

Монтезума сидѣлъ уныло въ своихъ покояхъ. Тамъ за него сражались, а онъ не могъ поднять голову отъ стыда, не смѣлъ крикнуть рѣзкаго военнаго клича. Куитлагуа, помимо его воли, занялъ его тронъ и велъ войска на его притѣснителей, которыхъ онъ долженъ былъ считать своими друзьями. Въ это время пришелъ гонецъ Кортеса. Кортесъ былъ раненъ въ лѣвую руку и никогда такъ не боялся за будущее, какъ теперь.

Онъ просилъ Монтезуму своимъ царскимъ словомъ повліять на возставшій народъ. Гордыя губы Монтезумы насмѣшливо улыбались, и онъ холодно отвѣчалъ послу:

— Что мнѣ дѣлать съ Малинчиномъ? Я не хочу слышать

о немъ; я хочу только умереть. До какого состоянія довела меня моя готовность служить ему?

Когда къ монарху явились Олидъ и Ольмедо съ униженными просьбами, Монтезума продолжалъ отказываться:

— Безполезно: мой народъ не повѣритъ ни мнѣ, ни лживымъ обѣщаніямъ Малинчина. Вы никогда не выйдете изъ этихъ стѣнъ живыми.

— А ты дай намъ возможность уйти, и вновь спокойствіе воцарится въ Теноктитланѣ,—бросилъ лукаво испанецъ Олидъ.

Монтезума потупился.

— Хорошо,—наконецъ сказалъ онъ,—я пойду, попробую.

И вотъ, въ роскошной діадемѣ, въ золотыхъ сандаліяхъ, въ бѣломъ перяномъ тильматли, на раззолоченыхъ носилкахъ показался ацтекскій монархъ около зубчатыхъ стѣнъ дворца. Едва только высокая фигура съ блѣднымъ страдальческимъ лицомъ показалась на красноватомъ фонѣ, мертвая тишина воцарилась въ станѣ ацтековъ. Народъ палъ ницъ передъ Монтезумой. Измученное лицо ацтекскаго повелителя вспыхнуло на минуту и озарилось страстной радостью; глаза загорѣлись.

Теперь это былъ прежній царь, передъ которымъ трепетало все въ этихъ стѣнахъ! Гордо поднялась его царственная голова, тихо, но повелительно прозвучалъ голосъ:

— Зачѣмъ вижу я здѣсь народъ мой съ оружіемъ въ рукахъ противъ дворца отцовъ моихъ? Вы думаете, можетъ быть, что царь вашъ въ плѣну, и хотите освободить его? Но вы обманываетесь: я не плѣнникъ; иностранцы — мои гости; я остаюсь съ ними по желанію и могу оставить ихъ, когда захочу. Не для того ли вы пришли сюда, чтобы прогнать ихъ изъ города? Это не нужно. Они отправятся по

своей собственной волѣ, если вы очистите имъ дорогу. Итакъ, возвратитесь въ свои жилища, положите оружіе. Окажите мнѣ повиновеніе, на которое я имѣю право.

Послѣднія слова Монтезумы покрылъ безумный яростный крикъ его народа:

— Недостойный ацтекъ! Трусъ! Бѣлые люди сдѣлали изъ тебя женщину, способную только прясть и ткать! И ты хочешь, чтобы мы тебѣ повиновались!

Все обаяніе надменнаго, еще недавно неприступнаго Монтезумы исчезло навсегда, и онъ съ ужасомъ сознавалъ это теперь, глядя на яростное море своихъ прежнихъ рабовъ.

Они возстали. Онъ видѣлъ, какъ одинъ изъ военачальниковъ, еще такъ недавно подходившій къ нему босикомъ, въ грубомъ тильматли изъ некена, теперь съ гнѣвнымъ лицомъ замахнулся на него дротикомъ. И въ тотъ же мигъ туча камней и стрѣлъ полетѣла въ ацтекскаго монарха и его свиту. Испанцы подставили свои щиты, но было поздно: Монтезума зашатался и тяжело рухнулъ на землю... У виска его показалась кровь...

Ужасъ охватилъ разъяренное войско ацтековъ. Они испугались своего святотатственнаго поступка и, испустивъ пронзительный, тоскливый крикъ, всѣ до одного разбѣжались.

Площадь передъ дворцомъ опустѣла. Блѣднаго, окровавленнаго Монтезуму безъ сознанія унесли во дворецъ.

Онъ очнулся на своей постели. Въ ногахъ его, закрывъ лицо руками, сидѣла Текуично. Монтезума окинулъ тяжелымъ, безнадежнымъ взглядомъ комнату, припомнилъ все случившееся и застоналъ, какъ раненый на-смерть левъ. Онъ понялъ, что для него уже все кончено. Народъ оскор-

билъ его! Даже призракъ власти исчезъ отъ него навсегда, и жить стало безсмысленно.

Монтезума сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, приподнялся и съ силой сдернулъ повязку съ головы. Алая струйка крови побѣжала по виску. Текуична съ ужасомъ бросилась къ отцу.

— Государь...—прошептала она съ отчаяніемъ,—что ты дѣлаешь? Ты умрешь, если не задержишь крови...

— Я этого и хочу, Текуична. Къ чему теперь жить?

И онъ отвелъ ея руку, которая старалась зажать рану и вновь натянуть повязку, и сердито оттолкнулъ золотую чашу съ укрѣпляющимъ питьемъ, поднесенную ему маленькимъ Ортегиллой.

— Я хочу умереть,—твердо, ясно прозвучалъ его голосъ.

Осунувшееся блѣдное личико Текуична еще болѣе поблѣднѣло, но принцесса покорно опустила руки.

Она была дочерью ацтекскаго монарха и понимала, что ему ничего не оставалось, кромѣ смерти.

А Монтезума сидѣлъ молча, неподвижно, какъ изваяніе. И какъ только рука священника отца Ольмедо коснулась его головы, чтобы сдѣлать перевязку, Монтезума молча съ презрѣніемъ сорвалъ ее. И такъ дѣлалъ онъ каждый разъ, когда ему хотѣли помочь.

Въ это время ацтеки опять возобновили нападеніе. Изъ теокалли Гуитцилопочли летѣлъ цѣлый дождь камней и стрѣлъ. Теокалли превратился въ крѣпость, изъ которой ацтекамъ удобно было обстрѣливать испанцевъ.

Три часа длилось сраженіе; оно кончилось побѣдою испанцевъ. Храмъ Гуитцилопочли былъ преданъ огню...

Въ крѣпости умиралъ несчастный ацтекскій монархъ. Онъ лежалъ неподвижно на роскошномъ ложѣ, молчаливый

и равнодушный ко всему. Вотъ уже нѣсколько дней онъ не принималъ пищи и былъ глухъ къ утѣшеніямъ своей свиты и бѣлыхъ друзей. Смерть приближалась быстро. Монтезума зналъ это.

Отецъ Ольмедо, преклонивъ колѣни передъ постелью монарха, давно уже тихо и ласково говорилъ ему о Христѣ, о свѣтѣ истины, который Монтезума прольетъ въ свою душу, если приметъ христіанство. Текуично молча сидѣла возлѣ съ презрительно сложенными губами.

«Неужели онъ отречется отъ вѣры отцовъ своихъ? — думала съ тоскою ацтекская принцесса: — вѣдь она одна теперь не отнята у него бѣлыми людьми!»

И вдругъ зазвучалъ слабый, больной голосъ Монтезумы:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ остается жить всего нѣсколько минутъ... и въ эти минуты я не хочу оставить своей вѣры...

Лицо Текуични озарилось тихою радостью. Она съ нѣжной любовью взглянула на отца.

— Я жду Малинчина, —тихо прошепталъ Монтезума и закрылъ глаза.

Когда Кортесъ появился въ покоѣ ацтекскаго монарха, Монтезума съ грустью и упрекомъ устремилъ на него угасающій взглядъ.

— Малинчинъ... — прошепталъ онъ,—Малинчинъ... нагнись ко мнѣ ближе... я умираю... А, это ты, ацтекская дѣвушка... Переведи твоему господину мои слова... Я унижаюсь... я прошу... какъ побѣдителя... пощади... моихъ дѣтей...

Онъ задыхался и, помолчавъ, продолжалъ слабымъ голосомъ:

— Особенно трехъ дочерей, любимыхъ... Это — сокро-

вища... Онѣ красивы, добры... не отдавай царскихъ дочерей въ рабство... Будь велукодушенъ.

Онъ замѣтилъ на суровомъ лицѣ Кортеса слезы и крѣпко сжалъ его руку.

— Постой,—продолжалъ Монтезума,—проси своего государя позаботиться о моихъ дѣтяхъ... не лишай ихъ наслѣдства... Я увѣренъ, что онъ исполнитъ мою просьбу... Я

слишкомъ много сдѣлалъ для его народа... Я слишкомъ любилъ бѣлыхъ людей... и это... и это... довело меня до настоящаго положенія... Но я вамъ все прощаю.

Монтезума закрылъ глаза, и по лицу его разлилась смертельная блѣдность.

Царственнаго плѣнника не стало...

Кортесъ долго стоялъ у неподвижнаго тѣла Монтезумы. И душа этого суроваго воина въ первый разъ трепетала

отъ боли и угрызеній совѣсти: онъ жалѣлъ человѣка, который изъ сильнаго врага сдѣлался его рабомъ и погибъ отъ сознанія своего паденія...

Смерть Монтезумы была страшнымъ ударомъ для испанцевъ. Они лишились теперь драгоцѣннаго заложника, котораго въ случаѣ крайности могли употребить въ свою пользу.

Тѣло Монтезумы было одѣто въ пышныя царскія одежды, положено на роскошныя носилки и съ обычными почестями отнесено на плечахъ ацтекскихъ вельможъ въ городъ къ народу. Его похоронили на царскомъ кладбищѣ рядомъ съ предками. Жалкій вопль огласилъ улицы столицы...

Въ ночь похоронъ изъ дворца таинственно исчезла Текуичпо...

V.

Новый дворецъ императора Гватимозина около Такубской улицы въ Теноктитланѣ походилъ скорѣе на тюрьму, чѣмъ на жилище монарха. У всѣхъ входовъ была разставлена стража съ макагуатлями.

Текуичпо въ мрачной задумчивости сидѣла въ своемъ покоѣ, убранномъ съ царскимъ великолѣпіемъ.

Мрачныя воспоминанія тѣснились въ душѣ Текуичпо. Сколько пережила она за это время! Вспомнилось ей бѣгство бѣлыхъ въ ночномъ мракѣ изъ Теноктитлана. Они не надѣялись на свои силы; они испугались грознаго возстанія ацтековъ послѣ смерти ихъ монарха, великаго Монтезумы.

Вспомнилась ей смерть мужественнаго Куитлагуа, котораго унесла страшная болѣзнь—оспа, и торопливо свершенный свадебный обрядъ, когда сдѣлалась женою Гватимозина и поклялась отдать себя дѣлу народнаго возстанія... Съ тѣхъ поръ ея жизнь и жизнь ацтековъ — залита кровью...

Испанцы, уйдя изъ Теноктитлана, покоряли одну за другою сосѣднія области; гонцы принесли извѣстіе, что бѣлые возвращаются въ столицу ацтековъ, гдѣ царствовалъ теперь мужъ Текуично, юный мужественный Гватимозинъ.

Въ покоѣ царило молчаніе, только слышно было, какъ шуршали нитки въ рукахъ придворныхъ женщинъ, вышивавшихъ мудреные рисунки изъ перьевъ по бумажной матеріи. Текуично давно уже не притрогивалась къ своему рукодѣлію. Безпокойныя мысли мѣшали ей работать. Она встала и распахнула цыновку у двери.

— Государь не возвращался?—отрывисто спросила она стражу.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ стражникъ.

Текуично пошла было обратно, но вдругъ остановилась и стала напряженно прислушиваться. Она ясно услышала шумъ, который несся отъ великаго теокалли, отъ «Стѣны змѣй». Шумъ усиливался, переходя въ глухой ревъ, и чуткое ухо Текуично уловило стоны, проклятія и предсмертные крики. Они неслись оттуда, гдѣ былъ Гватимозинъ! Въ одну минуту, какъ вихрь, пронеслась дочь Монтезумы черезъ свои обширные покои и взобралась на азотею. Изъ груди ея вырвался крикъ ужаса. Черныя фигуры жрецовъ, обыкновенно виднѣвшіяся у теокалли, исчезли. Блестящіе шлемы мелькали тутъ и тамъ: на вершинѣ теокалли, на лѣстницахъ, у его подножья. Текуично при-

жимала руки къ сердцу и, не отрываясь, смотрѣла на храмъ. Неужели это были гачупенесы? Изъ устъ ацтекской императрицы вырвалось проклятіе, и глаза ея вспыхнули: она ясно различила, какъ черныя фигуры жрецовъ взлетѣли въ воздухѣ надъ золотыми шлемами и, широко взмахнувъ руками, ринулись на вымощенный цементомъ дворъ съ вершины теокалли.

Она закрыла лицо руками и съ крикомъ опустилась на колѣни. Вдругъ кто-то дотронулся сзади до ея плеча. Текуично отняла руки отъ лица и обернулась. Передъ нею стоялъ Гватимозинъ. Діадема изъ перьевъ сдвинулась у него назадъ, открывая бронзовое лицо съ пламенными глазами; великолѣпный тильматли спалъ съ плеча, еще рѣзче выдѣляя красоту его могучей фигуры. Все лицо юнаго монарха трепетало отъ гнѣва; глаза метали молніи; грудь высоко вздымалась...

— Наши дѣла плохи, Текуично,—сказалъ онъ женѣ.— Боги покинули насъ... Ты видишь, что дѣлается тамъ? Смотри, битва разгорается! Бѣлые пришли, какъ ураганъ, ворвались въ великій теокалли, и даже жрецы не спасли своими молитвами святыню отъ разрушенія! Гачупенесы озвѣрѣли отъ бѣшенства, найдя на мѣстѣ прежняго своего Бога нашихъ боговъ, а на жертвенникахъ сердца своихъ братьевъ! Бѣлые сбросили съ вершины нашихъ жрецовъ!

Держась за руки, супруги не отводили глазъ отъ теокалли, гдѣ происходила битва. Гватимозинъ продолжалъ, точно въ бреду:

— Я не могу тамъ быть, не могу! Я долженъ беречь свои силы и жизнь до самаго конца! Съ моею смертью погибнетъ все!

Гватимозинъ перегнулся всѣмъ станомъ впередъ.

— Смотри! — сказалъ онъ вдругъ торжественно: — всѣ улицы полны воинами! Они должны побѣдить проклятыхъ пришельцевъ! А!

Онъ выхватилъ изъ-за пояса громадный рогъ, знаменитый рогъ Монтезумы, весь въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, и приставилъ его къ губамъ. Ликующій звукъ вырвался изъ отверстія рога и разлился по всей столицѣ. Этотъ призывный звукъ зналъ каждый ребенокъ Теноктитлана, — онъ былъ слышенъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ, онъ вливалъ мужество въ слабыхъ и малодушныхъ. Рогъ Гватимозина звучалъ, и толпы все прибывали и прибывали. Онѣ неслись къ великому теокалли, оглашая воздухъ яростными криками и рѣзкимъ свистомъ военнаго сигнала индѣйцевъ. Текуично смотрѣла впередъ, простирая руки навстрѣчу битвѣ...

— О, Гватимозинъ, государь мой! Смотри! — вдругъ вскричала она. — Наши ужъ одерживали верхъ, а теперь навстрѣчу идутъ лошади... Глупые ацтеки, — они боятся этихъ животныхъ съ длинной змѣиной шеей! Отступаютъ! Отступаютъ! Бѣгство!

Гватимозинъ, шатаясь, сошелъ съ азотеи. Новое пораженіе!

Бѣлые завоеватели дѣйствовали безпощадно. Сначала они лишили столицу воды, сломавъ трубы, посредствомъ которыхъ она спабжалась ею, потомъ, послѣ небольшой схватки, спустились на плотины и заняли три позиціи у главныхъ дорогъ. На плотинахъ ихъ встрѣтилъ дождь метательныхъ орудій. Несмѣтное количество индѣйскихъ пирогъ мѣшало испанцамъ овладѣть мостомъ.

А Кортесъ осаждалъ столицу съ южной стороны озера. Какъ свирѣпыя чудовища, налетали бригантины бѣлыхъ

на утлыя пироги и осыпали ихъ огнемъ своихъ орудій; пироги опрокидывались и тонули. Волны были покрыты обломками челноковъ или тонущими людьми.

Испанцы овладѣли двумя главными дорогами, ведущими къ столицѣ. Свободной пока оставалась только одна сѣверная дорога, соединявшаяся съ главной улицей. Это былъ единственный путь, черезъ который осажденные могли спасаться бѣгствомъ.

Отчаянно бились индѣйцы, но имъ приходилось отступать передъ военнымъ искусствомъ бѣлыхъ; пядь за пядью отнимали европейцы у нихъ землю на плотинахъ. Наконецъ завоеватели очутились на площади теокалли и разгромили храмъ...

Гватимозинъ зналъ, что блестящее начало дастъ испанцамъ смѣлость итти снова на приступъ въ его столицу. Онъ не ошибся.

Не давъ опомниться ацтекамъ отъ первой атаки, Кортесъ вскорѣ снова повелъ свое союзное войско на Теноктитланъ.

Старый дворецъ былъ обреченъ на разрушеніе: спасти его стало немыслимо...

Гватимозинъ просилъ Текуично не смотрѣть больше съ азотеи на поруганіе святынь и украшеній родного города, но Текуично возмутилась.

— Развѣ я не жена твоя? — сказала она, гордо поднявъ голову,—развѣ я не дочь великаго Монтезумы? Я должна раздѣлить какъ славу и величіе моего мужа и моего народа, такъ и его бѣдствія!

И они вмѣстѣ взошли на азотею и слѣдили за битвой. Отсюда имъ было видно, какъ испанцы овладѣли площадью и подошли къ старому дворцу. Древній дворецъ, съ

которымъ у ацтековъ было связано столько воспоминаній о давно сошедшихъ въ могилу герояхъ, палъ подъ ударами враговъ. Съ какимъ остервенѣніемъ бросали испанцы горящіе факелы въ зданіе, бывшее когда-то свидѣтелемъ ихъ неудачъ! Текуично гордо, безъ слезъ и жалобъ, смотрѣла на разрушеніе древняго дворца. Здѣсь провела она столько тяжелыхъ дней заключенія; здѣсь умеръ измученный, порабощенный Монтезума; отсюда она бѣжала къ Гватимозину...

Дворецъ рухнулъ съ оглушительнымъ трескомъ, и отъ него не осталось ничего, кромѣ дымящихся безформенныхъ развалинъ...

Паденіе древняго дворца точно разожгло жажду испанцевъ къ разрушенію. На другой сторонѣ площади, рядомъ съ жилищемъ Монтезумы, стояли домики звѣринца и между ними птичникъ легкой и изящной постройки. Текуично часто прежде ходила въ птичникъ съ отцомъ и послѣ его смерти не переставала навѣщать своихъ пернатыхъ любимцевъ. На другой сторонѣ площади вспыхнулъ пожаръ и залилъ свѣтомъ улицы.

Гватимозинъ напрасно трубилъ въ свой звучный рогъ; бронзовые воины точно остолбенѣли отъ негодованія и изумленія на своихъ азотеяхъ и уже не метали стрѣлъ и камней въ бѣлыхъ враговъ.

Стѣны птичника трещали и падали; стаями вылетали изъ нихъ пернатыя и съ жалобнымъ крикомъ исчезали въ зеленой чащѣ ближняго лѣса. Израненные, но довольные побѣдители возвращались въ свои квартиры, разрушивъ лучшія зданія ацтекской столицы.

Пожаръ потухъ; азотеи погрузились въ ночной мракъ. Гватимозинъ послѣ долгаго молчанія сказалъ женѣ:

— Та же участь скоро постигнетъ и нашъ дворецъ, Текуично, если боги не пошлютъ въ десять разъ больше мужества нашимъ воинамъ. Молись, но что бы тамъ ни было, ты сегодня же переѣдешь изъ этого дворца подальше отсюда, гдѣ будетъ тебѣ безопаснѣе. Я не хочу, чтобы моя жена досталась врагамъ.

— Я буду тамъ, гдѣ и ты, - отвѣчала твердо и спокойно Текуично.—Мы уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

Въ ту же ночь она покинула дворецъ вмѣстѣ съ мужемъ, который ясно сознавалъ, что и это зданіе обречено испанцами на гибель.

Гватимозинъ все еще не отступалъ отъ первоначальнаго плана — истощить силы испанцевъ постоянными нападеніями. День и ночь бодрствовали ацтеки, подстерегая испанцевъ; одни отряды постоянно замѣнялись другими. Гватимозинъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы рѣшиться на открытое сраженіе съ сильнымъ испанскимъ флотомъ, но онъ прибѣгнулъ къ хитрости, болѣе сообразной съ индѣйскимъ способомъ войны. Онъ поставилъ въ засаду между высокимъ тростникомъ, окаймлявшимъ южные берега, множество пирогъ и приказалъ въ то же время набить сваями окрестныя отмели.

Мужество ацтековъ возрастало вмѣстѣ съ неудачами. Только запасы пищи уменьшались у нихъ съ каждымъ днемъ. Недостатокъ въ ней сталъ чувствителенъ, когда главные окрестные города отложились отъ Мексики.

Отложившіеся шли толпами къ Кортесу.

А голодъ шелъ къ ацтекамъ быстрыми шагами. Они начинали уже питаться кореньями и мясомъ ящерицъ и крысъ... За голодомъ пришла и безпощадная чума.

Ацтекская императрица жила въ крошечной лачужкѣ,

въ захолустьѣ города, скудно и бѣдно, какъ простолюдинка. Когда слуги подносили ей за обѣдомъ вкусныя блюда, она качала головою и рѣшительно говорила:

— Никогда не тратьте на меня одну то, чѣмъ можетъ прокормиться цѣлая семья. Каждый изъ моихъ родичей съѣдаетъ не болѣе одной горсти маиса и даже не позволяетъ себѣ съѣсть сухую тортиллу *); какъ же я смѣю пировать? Я должна получать то же, что получаетъ простой воинъ.

И она сдѣлалась такъ же худа, какъ были худы простыя ацтекскія женщины, которыя не знали, чѣмъ накормить своихъ дѣтей.

Но вотъ счастье какъ будто улыбнулось осажденнымъ. Соскучившись бездѣйствіемъ, испанцы рѣшили нанести послѣдній ударъ врагамъ. Ацтеки, узнавшіе о намѣреніи бѣлыхъ, устроили имъ ловушку—скрытый проломъ. Волшебный рогъ Гватимозина трубилъ въ этотъ день побѣдную пѣснь. Испанцы падали въ воду, тѣснимые несмѣтными толпами непріятельскихъ войскъ. Многіе старались вскарабкаться вверхъ по скользкимъ бокамъ плотины, но ихъ увидали находившіеся въ челнокахъ индѣйскіе воины...

Въ столицѣ ликовали, и стоны голода заглушались дикими, радостными звуками атабаловъ: ацтеки праздновали побѣду. Кромѣ убитыхъ, шестьдесятъ два плѣнныхъ испанца вмѣстѣ съ множествомъ союзниковъ доставлены были Гватимозину.

Наступилъ вечеръ. Солнце умирало и прощальными лучами золотило старыя башни и теокалли. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ, но въ этой тишинѣ чувствовалось

*) Лепешку изъ маиса.

что-то зловѣщее. Вдругъ мѣрно и гулко загремѣлъ въ теокалли Гуитцилопочли громадный барабанъ изъ змѣиныхъ кожъ. Ударъ повторился; густой звукъ разнесся по всѣмъ отдаленнымъ уголкамъ столицы.

Это плѣнныхъ бѣлыхъ вели, чтобы принести въ жертву, и скоро площадь огласилась радостными криками:

— Гуитцилопочли доволенъ! Было много жертвъ! Онъ обѣщалъ намъ свою милость!

И въ лагерѣ испанцевъ начался голодъ.

Кортесъ настаивалъ на свиданіи съ Гватимозиномъ, но Гватимозинъ отказывался. А жрецы дали рѣшительный отвѣтъ:

— Хорошо жить въ мирѣ, но только не съ бѣлыми.

Но испанцы съ каждымъ днемъ все ближе подвигались къ центру Теноктитлана.

Полумертвые отъ голода индѣйцы не хотѣли сдаваться. Женщины неутомимо ходили за больными и ранеными, и Текуично, какъ простая женщина, перевязывала раненыхъ, снабжала воиновъ, пращами и луками и ни разу не пожаловалась на усталость.

Испанцы продолжали разрушать столицу. Теокалли былъ окруженъ ацтеками. Исхудалые, голодные люди собрали остатокъ силъ, чтобы защищать своихъ боговъ. Но силы были неравныя, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе ацтековъ, испанцы побѣдили. Взобравшись на вершину теокалли, они нашли тамъ остатки своихъ соотечественниковъ, принесенныхъ въ жертву... Большой храмъ былъ подожженъ, а за нимъ и другой теокалли...

Текуично смотрѣла на пламя горящаго теокалли въ безсильномъ страданіи. Ей казалось, что съ паденіемъ дома языческихъ боговъ погибло все, чѣмъ до сихъ поръ жилъ

ея народъ, и сердце ея перестало биться... Она подошла близко къ мужу и остановилась передъ нимъ, скрестивъ на груди руки. Гватимозинъ, какъ раненый звѣрь, метался по азотеѣ, тщетно призывая народъ звучнымъ рогомъ.

— Гватимозинъ, — сказала Текуично торжественно,— пришелъ послѣдній часъ. Горятъ наши теокалли. Бѣлые люди надругались надъ всѣмъ, что намъ дорого. Намъ не осталось ничего больше, кромѣ смерти. Возьми же скорѣй свой макагуатль и убей сначала меня, а потомъ себя.

Гватимозинъ оттолкнулъ ея руку, сжимавшую макагуатль...

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ рѣзко, и глаза его сверкнули,—еще не пришло время умирать. Пока останется хоть горсточка храбрыхъ, я буду жить; я долженъ жить! Боги еще вернутся къ своему народу! Даже въ тотъ часъ, когда мой народъ по малодушію сдастся гачупенесамъ, а я буду живъ, я убѣгу и подниму возстаніе во всѣхъ окрестныхъ городахъ. Всякій радъ будетъ идти за Гватимозиномъ защищать свою вѣру и свободу. Я долженъ жить!

Въ это время теокалли обратился уже въ груду тлѣющихъ развалинъ.

Безоружные жители съ ужасомъ смотрѣли на завоевателей изъ своихъ шалашей и убогихъ домишекъ и не оказали никакого сопротивленія. На развалинахъ теокалли гордо развѣвалось знамя Кастиліи.

Кортесъ опять предложилъ Гватимозину сдаться. Но юный монархъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что онъ готовъ скорѣе умереть, чѣмъ быть рабомъ.

Тогда Кортесъ нанесъ рѣшительный и послѣдній ударъ...

Вступивъ въ центръ города, генералъ былъ встрѣченъ

нѣсколькими ацтекскими вождями. Они простирали къ нему исхудалыя руки и кричали:

— Вы дѣти солнца! Но солнце совершаетъ свой путь быстро. Зачѣмъ же вы такъ медлите? Отчего не положите конца нашимъ бѣдствіямъ? Лучше убейте насъ сейчасъ! Мы тогда отправимся къ нашему богу Гуитцилопочли на небеса; онъ вознаградитъ насъ за всѣ мученія.

Кортесъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе. Онъ былъ растроганъ этими воплями и сказалъ, что желаетъ не смерти осажденныхъ, а покорности. Онъ снова настаивалъ ца свиданіи съ Гватимозиномъ.

Гватимозинъ наконецъ согласился на это свиданіе, но обманулъ и прислалъ вмѣсто себя посольство изъ дворянъ, отложивъ свиданіе до слѣдующаго дня. На слѣдующій день Гватимозинъ снова обманулъ Кортеса и прислалъ ему незначительные подарки изъ бумажныхъ тканей. Въ то же время Кортесъ узналъ, что ацтеки приготовились къ упорной защитѣ послѣднихъ укрѣпленій, и велѣлъ войскамъ наступать.

Гватимозинъ выставилъ впередъ цвѣтъ своего войска. Всѣ вооружились противъ бѣлыхъ; даже женщины и дѣти бросали въ нихъ съ азотей камни и дротики.

Но испанцы громили врага такими безпрерывными залпами огнестрѣльнаго оружія, что скоро силы осажденныхъ истощились, и они съ ужасомъ сознали себя побѣжденными. Кортесъ приказалъ щадить всѣхъ, и испанцы слушались этого приказанія, но индѣйскіе союзники, опьяненные запахомъ крови, вымещали на побѣжденныхъ врагахъ всю свою долгую ненависть.

Наконецъ генералъ подалъ сигналъ къ отступленію.

Кортесъ узналъ, что Гватимозинъ собирается бѣжать на

материкъ, и не хотѣлъ допустить этого бѣгства: оно могло вызвать возстаніе всего края.

13 августа 1521 года, въ праздникъ св. Ипполита *), Кортесъ повелъ въ послѣдній разъ свои войска на столицу. Еще разъ онъ умолялъ ацтекскихъ вельможъ сдаться и не губить и безъ того настрадавшагося народа. Но вожди отвѣчали, что Гватимозинъ хочетъ умереть посреди своего народа.

— Такъ пусть же дерзкій Гватимозинъ, — крикнулъ гнѣвно Кортесъ,—приготовитъ своихъ братьевъ къ смерти! Ихъ послѣдній часъ насталъ.

Вожди ушли. Кортесъ двинулъ войско на непріятеля. Повторилось все, что было наканунѣ. Ацтеки кидались въ воду и тонули; женщины молили о пощадѣ.

Вдругъ испанцы замѣтили, что осажденные пытаются на лодкахъ спастись черезъ озеро. Бригантины поражали ихъ залпами изъ пушекъ. Очевидно, между бѣглецами былъ и Гватимозинъ. Одна изъ пирогъ привлекла вниманіе испанскаго офицера, и онъ пустился за нею въ погоню на ходкомъ суднѣ. Гребцы-ацтеки работали изо всѣхъ силъ, и большая легкая пирога стрѣлой летѣла къ противоположному берегу.

— Эй!—крикнулъ испанскій капитанъ,—стрѣляй!

— Остановитесь! — послышался голосъ изъ пироги,— нашъ государь здѣсь.

Индѣйцы-союзники, находившіеся на бригантинѣ, сообщили объ этомъ капитану, и онъ приказалъ не стрѣлять.

Посреди пироги стоялъ Гватимозинъ. Онъ далеко отбро-

---

*) Св. Ипполитъ былъ впослѣдствіи избранъ хранителемъ Новой Мексики въ память этого дня.

силъ отъ себя щитъ и макагуатль и крикнулъ съ презрѣніемъ офицеру испанцевъ:

— Я Гватимозинъ! Ведите меня къ Малинчину... я его плѣнникъ. Но пощадите мою жену и приближенныхъ.

Текуично сидѣла въ пирогѣ, закрывъ лицо руками. Когда испанцы помогли Гватимозину взойти на корабль, она сдѣлала попытку броситься въ воду. Но сильная рука капитана остановила Текуично. Шатаясь, съ опущенной головою, она вошла на бригантину.

Гватимозинъ вошелъ на корабль твердыми шагами; поровнявшись съ женою, онъ тихо шепнулъ ей:

— Не плачь, Текуично, они скоро меня убьютъ. Гачупенесамъ страшно будетъ держать въ золотыхъ сѣтяхъ льва: вѣдь и золотыя сѣти рвутся. Но что будетъ съ тобой?

Кортесъ видѣлъ все происходившее на озерѣ и радостно крикнулъ:

— Гватимозинъ въ плѣну! Живо за работу: надо хорошо угостить голоднаго императора!

Работа закипѣла, и скоро былъ готовъ помостъ, устланный краснымъ сукномъ и цыновками, на которомъ поставили столъ съ яствами. Марина въ праздничномъ нарядѣ сидѣла за столомъ рядомъ съ Кортесомъ...

Гватимозинъ спокойно взошелъ на разукрашенную азотею.

— Я сдѣлалъ все, что могъ,—сказалъ Гватимозинъ тихо.—Судьба обрекла меня на тяжелую участь. Дѣлай со мною, что хочешь.

Онъ протянулъ руку и, дотронувшись до рукоятки кинжала Кортеса, равнодушно прибавилъ:

— Убей меня этимъ кинжаломъ и тѣмъ избавь отъ ненавистной жизни.

— Не безпокойся, — отвѣчалъ живо и искренно Кортесъ,—ты не подвергнешься ни малѣйшему оскорбленію. Ты защищалъ свою столицу, какъ храбрый воинъ. Испанцы умѣютъ уважать мужество даже въ непріятелѣ. А гдѣ же императрица?

Гватимозинъ указалъ рукою на бригантину, взявшую его въ плѣнъ.

Марина, улыбаясь, пошла навстрѣчу Текуично и сказала ей ласково:

— О, какъ ты страдала! Твое лицо говоритъ яснѣе словъ! Придите и отдохните отъ ужасовъ войны; вы найдете здѣсь друзей. Я буду любить тебя, какъ сестру, и...

Текуично опустила голову.

— Я только хочу умереть,—прошептала она,—гачупенесы не могутъ быть друзьями ацтековъ, и раба бѣлыхъ не можетъ быть сестрою ацтекской государыни.

Марина ничего не отвѣчала гордой императрицѣ; только въ кроткихъ глазахъ ея блеснули слезы...

Кончился грустный пиръ, и царственные плѣнники были отведены въ испанскія квартиры.

Ночью надъ мексиканской долиной пронеслась страшная буря. Раскаты грома до самаго основанія потрясали основы теокалли и ветхіе теноктитланскіе дома, уцѣлѣвшіе отъ разрушенія.

Говорили, что въ эту ночь слышали плачъ дочери Монтезумы и видѣли надъ озеромъ въ клубахъ бѣлаго, тусклаго тумана грозную фигуру Монтезумы въ его роскошномъ перяномъ вѣнцѣ и великолѣпномъ радужномъ тильматли. Онъ простиралъ руку къ столицѣ и трубилъ въ свой рогъ, и эти зловѣщіе звуки заглушали даже раскаты грома...

VI.

Текуичпо сидѣла на азотеѣ, закрывъ лицо руками и не слушая утѣшеній Марины. Когда она отняла руки отъ лица, оно было мрачно-спокойно, но страшно блѣдно. Губы ея слабо прошептали:

— Скоро будетъ конецъ землѣ... Гватимозина, мужа моего, владыку, пытать гачупенесы, гробъ узнать, гдѣ золото... столица разрушена... конецъ всему!

Она вспомнила, что Кортесъ не сумѣлъ помѣшать своимъ людямъ мучить царственнаго плѣнника, въ алчной жаждѣ найти золото. Потомъ испанцы перерыли весь прудъ около дворца, но не нашли тамъ ничего, кромѣ одного громаднаго изображенія солнца изъ чистаго золота.

Теперь Гватимозинъ, измученный пыткой и позоромъ, лежалъ въ своемъ покоѣ, охраняемомъ стражею, а Текуичпо ушла, не въ силахъ видѣть его страданія...

Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ индѣйскихъ новокрещенцевъ сдѣлалъ Кортесу доносъ на Гватимозина, — будто Гватимозинъ поднимаетъ противъ бѣлыхъ своихъ родичей.

Кортесъ позвалъ стражу и направился съ нею къ Гватимозину. Ацтекскій монархъ сидѣлъ у костра, опустивъ голову; длинныя рѣсницы темною тѣнью легли на его блѣдныя щеки и придавали лицу выраженіе глубокой грусти. Передъ нимъ сидѣлъ тецкукскій кацикъ, «Жабья Пасть», — старый скоморохъ Монтезумы, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ гремучая змѣя, тягучимъ голосомъ разсказывалъ исторію Незагуалькойотля, прежняго великаго государя тецкукскаго... Издали на почтительномъ разстояніи расположилась

свита изъ индѣйскихъ дворянъ. Когда послышался звукъ оружія приближающихся испанцевъ, Гватимозинъ равнодушно поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою Кортеса съ мрачнымъ лицомъ и сурово сдвинутыми бровями. Онъ подвинулся, спокойно уступая генералу мѣсто у огня.

Но Кортесъ не садился. Онъ подошелъ къ ацтекскому монарху вплотную и сказалъ:

— Ты не двинешься съ мѣста. Эй, стража! оцѣпить всѣхъ кругомъ!

Гватимозинъ поблѣднѣлъ, а Кортесъ продолжалъ:

— Мнѣ все извѣстно. Приговоръ испанцевъ безпощаденъ. Васъ ждетъ смерть. Ты, Гватимозинъ, поднималъ свой народъ, чтобы убить всѣхъ насъ?

Гватимозинъ гордо закинулъ назадъ голову, а кацикъ такубскій вскочилъ.

— Это — ложь! — закричалъ кацикъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.—Ацтекская дѣвушка,—обратился онъ къ Маринѣ, стоявшей съ опущенной головой около Кортеса, — скажи ему, что государь твоего народа не можетъ поступить, какъ подлый рабъ.

Гватимозинъ презрительно улыбнулся.

— Наши люди мрутъ, какъ мухи,—сказалъ онъ горько.— Правда, мы говорили объ этомъ, мы жалѣли и плакали о нашихъ братьяхъ. Развѣ за это мы заслужили казнь? Еще говорили мы, что рады умереть, только бы не видѣть каждый день, какъ гибнутъ наши братья. Развѣ за это мы заслужили казнь?

— А убійство бѣлыхъ?—настаивалъ Кортесъ.

— Убійство? —Губы Гватимозина дрогнули.—Убійство! Нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ, выбившись изъ силъ, умоляли насъ о возстаніи, но развѣ мы одобряли это? А

безъ нашего согласія никто изъ подданныхъ не смѣлъ бы поднять руку на бѣлыхъ.

Гватимозинъ помолчалъ и продолжалъ:

— Смотри, какъ бы кровь наша не сожгла тебѣ сердце. Мы невинны. Ты разрушилъ нашу столицу; ты камня на камнѣ не оставилъ въ ней, и я радъ бы былъ теперь умереть... Но что въ моей смерти? Она не спасетъ никого!

— Лжешь!—закричалъ Кортесъ,—и за ложь тебя ждетъ висѣлица!

— Висѣлица?—повторилъ съ горькой усмѣшкой Гватимозинъ.—Я радъ умереть. Жизнь мнѣ не дорога, Малинчинъ.

Но Кортесъ былъ неумолимъ. Онъ отдалъ распоряженіе, и часть стражи удалилась. Скоро Гватимозина повели на мѣсто казни. Когда солдаты хотѣли связáть его, онъ отстранилъ ихъ и сказалъ:

— Ацтекскій государь не заслужилъ, чтобы его связывали, какъ ягненка. Онъ самъ пойдетъ принять смерть.

Подъ висѣлицей царственный плѣнникъ показалъ, что хочетъ говорить.

— Я предчувствовалъ, что дойдетъ до этого,—заговорилъ онъ спокойно. — Я предчувствовалъ это, когда ввѣрился твоимъ коварнымъ обѣщаніямъ, Малинчинъ... Зачѣмъ я самъ себя не лишилъ жизни, когда ты вступилъ въ мою столицу? За что казнишь ты меня такъ несправедливо? Ты отвѣтишь передъ Богомъ!

— Я неповиненъ,—сказалъ кацикъ,—но я радъ умереть. Я не желаю лучшей участи, какъ умереть возлѣ моего государя.

Гватимозинъ, кацикъ и нѣсколько индѣйскихъ дворянъ были повѣшены на развѣсистыхъ вѣтвяхъ огромнаго дерева.

Съ тѣхъ поръ Кортесъ не могъ успокоиться. Ночи напролетъ бродилъ онъ въ молчаніи, глубоко вздыхая... Говорили, что его мучаетъ совѣсть.

Послѣ казни Гватимозина Кортесъ продолжалъ покореніе провинцій обширнаго полуострова, и наконецъ кастильское знамя стало развѣваться на берегахъ Панамскаго залива.

Прошло почти пять лѣтъ... Послѣ долгаго плаванія больной изнуренный Кортесъ вернулся въ Теноктитланъ. Ему устроили пышную встрѣчу.

Возвращеніе Кортеса было встрѣчено съ проклятіями одной только Текуично. До сихъ поръ отъ нея тщательно скрывали смерть мужа. Кортесъ вернулся безъ Гватимозина, а кормилица призналась ацтекской императрицѣ, что ея супругъ давно уже казненъ. Узнавъ о смерти мужа, она, какъ безумная, кинулась къ Кортесу.

— Негодный гачупенесъ!—крикнула она, потрясая кулаками,—ты, какъ предатель, убилъ моего Гватимозина!.. Честный воинъ держитъ данное слово, а ты, ты издѣвался надъ нимъ, усыпилъ подлыми, медоточивыми рѣчами и предалъ позорной казни!

Кортесъ молчалъ, низко опустивъ голову. Онъ сознавалъ свою вину и, слабо махнувъ рукою, сказалъ находившемуся тутъ же отцу Ольмедо:

— Святой отецъ, прошу васъ, успокойте ее. Марины нѣтъ больше со мною, и кромѣ васъ некому залѣчить рану въ этомъ больномъ сердцѣ.

Священникъ всталъ и съ состраданіемъ пошелъ за Текуично. Она быстро пробѣжала въ свои покои, опустилась на постель и, охвативъ колѣна руками, застыла въ нѣмомъ страданіи. Глаза ея были сухи, губы крѣпко сжаты.

Ни одного стона не вырвалось изъ груди, точно сердце окаменѣло.

— Текуично,—услышала она мягкій, ласковый голосъ,— ты не должна такъ неподвижно сидѣть и смотрѣть въ одну точку. Плачь, плачь, тебѣ будетъ легче...

Текуично сурово взглянула на говорившаго.

— Они убили моего мужа,—глухо сказала она.

— Это правда,—грустно отвѣчалъ священникъ.

— Онъ былъ благороденъ, храбръ, какъ левъ, и не заслужилъ этой позорной казни. О, проклятые гачупенесы!

— Не проклинай, Текуично,—прошепталъ ласково отецъ Ольмедо. — Ты видѣла на лицѣ Малинчина краску стыда, а на глазахъ его слезы? Ему стыдно за свой поступокъ, но вернуть уже нельзя. Да и твоему мужу лучше было умереть, чѣмъ жить плѣнникомъ.

Текуично вскочила и показала острое блестящее лезвее жертвеннаго ножа изъ ицтли *).

— Вотъ!—сказала она, сверкнувъ глазами,—этимъ ножомъ отецъ мой, когда былъ еще жрецомъ, вынималъ сердца плѣнниковъ! Онъ отправитъ и меня въ царство Солнца!

— Постой!—остановилъ ея руку отецъ Ольмедо, — ты всегда успѣешь покончить съ собой.

Онъ отвернулся и заплакалъ.

При видѣ слезъ старика Текуично выпустила изъ рукъ ножъ. Онъ звякнулъ объ полъ и сломался.

— Боги не хотятъ моей смерти,—съ ужасомъ прошептала она и заглянула въ лицо отца Ольмедо.

---

*) Ицтли—порода минерала обсидіана.

— О чемъ ты плачешь, старикъ?

— Дитя мое, дитя мое,—повторялъ онъ судорожно голосомъ, полнымъ глубокаго состраданія,—не боги языческіе, а Господь нашъ не хочетъ твоей смерти! Душа твоя прекрасна, и Господь хочетъ, чтобы ты пришла къ Нему! Посмотри, Онъ посылаетъ тебѣ Свое знаменіе!

Въ это время изъ-за нависшихъ тучъ, заволакивавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней все небо, брызнулъ ослѣпительный снопъ лучей и облилъ золотомъ съ ногъ до головы Текуично и отца Ольмедо. Въ солнечныхъ лучахъ бѣлая сутана доминиканца казалась сотканной изъ свѣта, а лицо его съ восторженной улыбкой походило на лицо святого. Текуично съ изумленіемъ смотрѣла на священника. Онъ дрожащими руками развернулъ пелену. Въ ней былъ завернутъ небольшой образъ, изображавшій крестныя страданія Спасителя. Этотъ образъ, кисти знаменитаго художника, отецъ Ольмѣдо всегда носилъ съ собою.

— Что это?—спросила со страхомъ Текуично.

— Это Богоматерь, а это Ея сынъ, Текуично. Послушай, что я тебѣ про Нихъ разскажу.

Исторія крестныхъ страданій Спасителя, трогательная и прекрасная, возвышенныя чувства страдающей Матери, безконечное терпѣніе, любовь и милосердіе потрясли душу Текуично, помимо ея воли.

— Его били, Текуично,—продолжалъ дрожащимъ голосомъ отецъ Ольмедо, — а Онъ благословлялъ бьющихъ и просилъ у Отца Своего для нихъ прощенія, а ты, ты проклинаешь!

Текуично плакала.

— Повѣрь, Текуично, въ Его благость, и ты найдешь утѣшеніе,—продолжалъ дрожащій отъ слезъ голосъ отца

Ольмедо,—не отталкивай отъ себя Бога-Страдальца. Плачь, Текуично, тебѣ будетъ легче нести свой крестъ.

Въ это время сзади послышались громкія всхлипыванія. Отецъ Ольмедо обернулся и увидѣлъ индіанку, которая крестилась и стала женою одного испанскаго дворянина.

— О чемъ ты, Элоиза?—спросилъ отецъ Ольмедо.

Донна Элоиза молча кивнула головой на Текуично.

— Тебѣ ее жалко?—спросилъ изумленно священникъ.

Она кивнула головою. Донна Элоиза сразу почувствовала привязанность къ Текуично, какъ только узнала о смерти Гватимозина...

Отецъ Ольмедо благословилъ донну Элоизу и оставилъ ее вдвоемъ съ Текуично. На столѣ онъ положилъ образъ Спасителя.

Донна Элоиза по уходѣ Ольмедо вскочила и быстро подошла къ Текуично. Она охватила шею вдовы Гватимозина руками и, осыпая ее поцѣлуями, шептала:

— О, какъ ты страдаешь! Какъ ты страдаешь! Но и Господь столько терпѣлъ!

И страстнымъ голосомъ Элоиза разсказала, какъ увѣровала въ Бога. Она говорила много и долго, а Текуично все плакала. Подъ конецъ Элоиза простодушно пожалѣла:

— Ахъ, отчего съ нами нѣтъ Марины! Она бы лучше меня разсказала все это!

Черезъ нѣсколько дней отецъ Ольмедо крестилъ дочь Монтезумы...

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

СЕРІЯ «ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ».

АЕВЪ, Ал. Въ дебряхъ Мордвы. (Изъ дѣтства патріарха Никона). 2-е изд. Ц. 20 к.

Дѣтскіе годы И. С. Тургенева. Ц. 10 к.

Всюду любовь. 2-й сборникъ разсказовъ для дѣтей. Ц. 20 к.

Великій день черныхъ рабовъ. Съ рис. 2-е изд. Ц. 15 к.

Крупеничка. Изъ русскихъ народныхъ сказаній. Съ рис. Ц. 5 к.

Въ лѣсу. Съ рис. Ц. 5 к.

Забавники. Съ рис. Ц. 10 к.

Въ поискахъ счастья. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Королевичъ и мавритенокъ. Древне-герм. легенда. Съ рис. Ц. 5 к.

Кружка слезъ. Стар.-герм. сказаніе.— **Къ свѣту.** Сказка. Съ рис. Ц. 5 к.

Фигурка. Съ рис. Ц. 15 к.

Лѣсное дитя. Легенда. Съ рис. Ц. 10 к.

Атаманъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

Не вынесъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

Новый годъ.—Скворчикъ. Сказки. Съ рис. Ц. 5 к.

Маята. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

Панычъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

„Всякой твари воля мила“. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

На волю. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

Лулу. Изъ жизни одной обезьянки. Съ рис. Ц. 10 к.

За лаской. Съ рис. Ц. 5 к.

Море идетъ. Разсказъ изъ временъ осады Лейдена испанцами. (XVI вѣкъ). Съ рис. К. Фридберга. Ц. 10 к.

Изъ жизни одного волка. Съ рис. К. Фридберга. Ц. 7 к.

Неро. Съ рис. К. Фридберга. Ц. 20 к.

Единственный. Изъ исторіи одной маленькой жизни. Съ рис. Ц. 25 к.

Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть. Съ рис. Ц. 80 к.

Великій сказочникъ. Біографическій разсказъ. Съ рис. Ц. 35 к.

Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 40 к.

Бенвенуто Челлини. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.

Божья елка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

Кукольная швея. Съ рис. Ц. 10 к.

Дочь кацика. Съ рис. Ц. 15 к.

Драма въ Брюсселѣ. Съ рис. Ц. 20 к.

Индѣйская царевна. Съ рис. Ц. 20 к.

Хилая елка. Съ рис. Ц. 7 к.

Подробный каталогъ книгоиздательства высылается безплатно.

30608

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ въ выписк по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ гор скія, по положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) пулярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и картинъ, а также нѣсколько

безплатныхъ приложеній.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго само образованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ д учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») без «Педаг. Листка»:		«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:	
Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ	5 р. —
Съ достав. и пересылк. на годъ	5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ	6 » —
Безъ доставки на 3/4 года	3 » 50 »	Безъ достав. на 3/4 года	3 » 75
Съ достав. и перес. на 3/4 года	3 » 75 »	Съ достав. и перес. на 3/4 года	4 » 50
Безъ доставки на 1/2 года	2 » 25 »	Безъ доставки на 1/2 года	2 » 50
Съ достав. и перес. на 1/2 года	2 » 50 »	Съ достав. и перес. на 1/2 года	3 » —
Безъ доставки на 1/4 года	1 » 15 »	Безъ доставки на 1/4 года	1 » 25
Съ достав. и перес. на 1/4 года	1 » 25 »	Съ достав. и перес. на 1/4 года	1 » 50

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССІИ“ ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

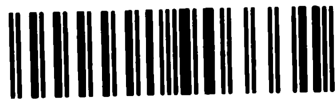
За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб
За перемѣну адреса 28 коп. марками.
Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., 1/2 стран.—20 руб.

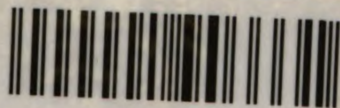
Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановк домъ № 18—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакці «ЮНАЯ РОССІЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается безплатн

PG 3467
.I 22
I 6
1915

A000001903331